

Н А Т А Л Ь Я
АНДРЕЕВА

МОЯ ЧУЖАЯ
ЖЕНЩИНА

АКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Наталья Андреева

Моя чужая женщина

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Андреева Н. В.

Моя чужая женщина / Н. В. Андреева — «Автор», 2015

ISBN 978-5-17-091933-8

И как только выстрелил этот пистолет? Точнехонько в висок... И это у женщины, которая была не в ладу с любой техникой. Даже микроволновка вводила ее в ступор. Но что произошло, того не исправить... И вот уже толпа родственников и знакомых погрузилась в автобус, чтобы поехать за город на поминки. Но никто тогда не предполагал, что окажется в многокилометровой пробке. И совершенно неожиданно погибшая женщина откроет им свое настоящее лицо, которое так упорно никто не хотел видеть при жизни. А потом в ссорах и взаимных упреках вдруг возникнет вопрос, а было ли самоубийство и кому мешала эта незаметная женщина, которую муж с издевкой называл Пробкой. Книга ранее выходила под названием «Пробка»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091933-8

© Андреева Н. В., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Вместо предисловия	6
В путь	10
Медленно	15
«Жигули»	15
Автобус	18
Красный «Ягуар»	21
Очень медленно	24
«Жигули»	24
Автобус	30
Красный «Ягуар»	34
Первые полчаса в пробке	38
«Жигули»	38
Автобус	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Наталья Вячеславовна Андреева

Моя чужая женщина

*Книга от начала и до конца лишь вымысел автора, любые
совпадения имен и событий случайны.*

© Н. Андреева, 2015

© ООО «Издательство АСТ»

Вместо предисловия

– ...И я хочу сказать, что все мы будем скорбеть и помнить эту замечательную женщину, которая... была... Которая была... В общем, безвременно ушедшая от нас...

Слова не шли. Речь его была бессвязной, хотя косноязычием никогда не страдал. А сегодня в горле стоял ком, и слова не шли. Ну не клеилось, и все тут! Мямлил, блеял, заикался. Народ вокруг безмолвствовал. Все смотрели, как он мучается, и молчали. Ждали. И это в момент, когда все они должны понимать, как он любил эту безвременно ушедшую и трагически погибшую! Словом, жену.

Заплакать, что ли? Уронить скупую мужскую слезу? Воды нынче и так предостаточно. Погода премерзкая, с утра льет дождь. Впрочем, льет он все лето, с первых чисел июня. И холодно. Очень холодно. Погода осенняя, больше напоминает конец сентября, чем август. Вот в такую погоду люди с неустойчивой психикой и кончают жизнь самоубийством. От безысходности. От тоски. Тучи нависают, и создается ощущение, что тебя заперли в клетку, где воздуха не хватает, и мысли становятся свинцовыми. А с покойницы что взять? Странная была женщина.

– Замечательная женщина, любящая и любимая жена...

Да провались она! Господи, да что ж это он? Как можно? Сейчас же и провалится, и гроб с ее телом закидают землей. Зло. Очень уж зло. Жаль, конечно, что так получилось. Но ведь все, кто пришел на кладбище, знают, что жили Грековы отнюдь не душа в душу. Нинка постоянно бегала на бывшую работу, жаловаться подругам. Он же в сердцах частенько называл жену Пробкой. Тупая, мол, как пробка. На посиделках с коллегами, дабы посмеяться, говорил:

– Спросил сегодня у Нинки: откуда берется электрический ток? Знаете, что сказала моя Пробка? Из проводов!

Или:

– Попросил мою Пробку записать телевизионную передачу, которую давно хотел посмотреть, по работе надо, так она умудрилась нажать не на ту кнопку! И все записалось в черно-белом варианте! Вот тупая! До сих пор не умеет пользоваться техникой!

Жена действительно была не в ладах ни с аппаратурой, ни с микроволновой печью, ни даже с такой пустяковиной, как тостер. Казалось, стоит ей прикоснуться к какой-нибудь кнопке, как техника тут же давала сбой, словно чувствовала человека, не умеющего с ней обращаться. Удивительно, как выстрелил пистолет! По идее, должен был дать осечку.

Ан, нет! Точнехонько в висок! Все удивились: с техникой была не в ладах, а тут не оплошала. Когда брала телевизионный пульт или колдовала над панелью управления стиральной машины, движения ее всегда были неуверенными.

А тут – пистолет!

Впрочем, это был пистолет мужа, а Юрий Греков – человек аккуратный. Оружие у него всегда в порядке. И разрешение имеется: следователь прокуратуры должен уметь себя защищать. А Греков не какой-нибудь дохляк-очкарик, зарывшийся в бумагах. О нет! У Юрия Грекова, между прочим, разряд по спортивной стрельбе. Он даже в соревнованиях участвует – форму поддерживает.

А вот Нина и в слона бы не попала – зрение подвело. Даже в очках она видела плохо и все время шурилась. Сейчас же лежит в гробу, сама на себя не похожая. Видеть жену без очков ему непривычно. Может, потому и мямлит? Вроде бы она, а вроде бы и нет.

Да и гример хорошо поработал. Раздробленный висок закрыт волосами – эту прическу жена при жизни никогда не носила. Напротив, она гладко зачесывала волосы, открывая лоб, и закалывала их на затылке шпильками. И вновь Грекову кажется, что это не она. Без очков, с другой прической. Нет, она! Потому что у него на руках свидетельство о смерти!

– ...будем тебя любить и помнить. Все, кто собрались здесь. Я, твой муж, твои родные, твои друзья, коллеги по работе...

Уж извините, *бывшие* коллеги. Вон они – стоят, сбившись в стайку. Юрий невольно поморщился: библиотекари, книжные крысы. Или черви? Совсем память отшибло! И хватит уже мямлить! Ну же, Греков, соберись! Как бы там ни было, жену ты любил. Восемь лет прожили.

Из родных на кладбище только он, законный муж. А теперь, значит, вдовец. Детей у них с Ниной не было. Его мать с отцом далеко, и приехать на похороны не смогли – болеют, потому что уже в возрасте, а теще стало так плохо, что на кладбище она присутствовать не в силах. С утра лежит, стонет. Ночью опять «Скорую» вызывали. Как бы не пришлось попасть еще на одни похороны! С корабля на...

Совсем очумел! Хорошо, что никто не может подслушать мысли вдовца! Похороны – это не праздник. Не бал. Похороны – это... Это что? Мысли ворочаются в голове, словно булыжники, в щебенку слов не дробятся, потому и застревают на выходе. Ну же! Соберись! И придай лицу соответствующее выражение. Скорбное.

Теща осталась на даче со старшей дочерью, которая на пару с соседкой теперь накрывает стол для поминок. Дача большая, двухэтажная, там просторно. В городской однокомнатной квартире места маловато, да и лето на дворе. Чего тесниться-то?

Застрелилась она тоже на даче. Вот и...

Он покосился на бывших коллег по Нининой работе. Явились! Хотите сказать, что любили ее? А по нему, так завидовали! Что бросила работу, потому как муж обеспечивал, что нужды ни в чем не испытывала, жила, как у Христа за пазухой. Теперь приехали посмотреть, как он будет провожать в последний путь свою Пробку. Благодаря мужу прозвище это так и прилепилось к Нине. За глаза ее иначе и не называли: Пробка и Пробка. Подружки жены ехали в автобусе, сопровождали гроб с телом. И на поминки собираются. Как же! Была бы его воля, ни одну бы на порог не пустил! Потому что знает: Нинка бегала жаловаться. Вон они как смотрят! Глазами сверлят! Может, и запинается он из-за них?

– ...будем помнить, каким ты была хорошим человеком, как помогала своим близким, как принимала живое участие...

При этих словах он поймал насмешливый взгляд женщины, которую увидеть здесь уж точно не ожидал. Эта-то зачем приехала? Она здесь, что павлин в стае ворон. Чужая. Все женщины одеты скромно, на головах черные платочки, в руках платочки белые. Эта же стоит поодаль в модном черном костюме из дорогого бутика, на голове шикарная шляпа с вуалью! Да еще огромный зонт – тоже траурный. Черный.

Библиотекари на даму косятся: кто такая? Греков же в бешенстве. Этой женщины здесь быть не должно! И она это прекрасно понимает! Значит, издевается! Как только он увидел у ворот кладбища ее красный «Ягуар», сразу понял: издевается! И этой машины здесь быть не может! Как не могло быть знакомых, едущих на «Ягуаре», у серенькой мышки Нины Грековой, простой домохозяйки. Значит, на «Ягуаре» приехала знакомая Юрия Грекова. Тут и думать нечего.

Что она с ним делает? Что?!!

Юрий посмотрел на женщину с ненавистью. Все в ней было вызывающим: внешность, одежда, машина.

Да будь ты проклята!

– ...и все, что бы ты ни делала... что бы ты ни делала... что ты делала...

Он запутался и смешался окончательно. Хватит ломать комедию. Сделал вид, что закашлялся, и махнул рукой:

– Опускайте!

Двое могильщиков, молодые парни с испитыми лицами, которым Греков хорошо заплатил, да парочка «кладбищенских» мужиков, бывших здесь на подхвате, поспешно взялись за концы мокрых полотенец.

По-прежнему лил дождь. И когда путаная речь Грекова наконец закончилась и гроб рывками стал опускаться вниз, все вздохнули с облегчением. Хорошо, что оркестр не позвали. Но тут уж Юрий стоял насмерть (простите за каламбур): покойница этого не любила. Так и говорила: никаких церемоний. Она давно уже собиралась на тот свет. По крайней мере, так говорила. Впрочем, все так говорят: «скорей бы я сдох», «вот умру – узнаете», да «поплачете без меня». Только обещают. Эта свое обещание сдержала.

Когда гроб со стуком опустился в яму, где стояла вода, Греков закрыл ладонями лицо, затряс головой и сделал вид, что плачет: по щекам текли дождевые капли. Лучший друг, Володя Петров, тронул за плечо:

– Не надо, Юра.

Не надо так не надо. Зарывайте. В яму полетели комья рыжей глины. Юрий успокоился, только когда все было закончено и народ цепочкой потянулся к воротам кладбища. Последним плыл огромный траурный зонт. Едва очутившись за воротами, бывшие коллеги покойной дружно повалили в автобус. Правильно: надо согреться.

Как организатор и руководитель церемонии похорон, Греков проследил, чтобы все расселись, и пошел к своей машине. Новенькая серебристая «десятка» была порядком вымазана в грязи. Вот тут он расстроился искренне. Ему стало жалко машину до слез.

– Ты как? – заботливо спросил Володя.

– Не очень.

– Давай, я поведу?

– Что ж...

Юрий достал из кармана и протянул Петрову ключи от машины. Тот сел за руль, Греков же невольно поморщился: сейчас и коврики будут запачканы грязью. Что ж, придется потерпеть.

– Ну что, доволен? – раздался за спиной насмешливый голос. – Освободился?

Греков оглянулся, с ненавистью посмотрел под зонт и прошипел:

– Ты зачем здесь?

– Как же, Юра? Убедиться, что все в порядке! – сказала женщина и подняла вуаль. Синие глаза, два огромных сапфира в оправе густых стрельчатых ресниц, сверкнули. Сапфиры же в ушах остались безмолвны.

– Тебя ведь все видели! – огрызнулся он.

– Ну и что?

– И как мне это объяснить?

– А никак! – В ее глазах была откровенная насмешка.

– Может, ты и на поминки придешь? – со злостью спросил Греков.

– Может, и приду.

– Не валяй дурака! – тут же взвился он. – И... убирайся отсюда!

– Нам в одну сторону, – спокойно сказала незванная гостья.

Не в силах больше выносить такой наглости, Юрий сел в машину.

– А что госпожа Одинцова здесь делает? – спросил Володя Петров.

Вроде бы безразлично спросил. Но он-то знает, что Петров – опер со стажем. Профессионал. И чем безразличнее Володя говорит, тем глубже подтекст.

– Она живет в коттеджном поселке, где у нас дача, – сердито ответил Юрий. – Вроде бы они общались.

– С Ниной? – удивленно поднял брови Петров.

– А что тут такого?

Через стекло, по которому стекали капли дождя, он с ненавистью смотрел, как женщина в шикарной шляпе садится в свой красный «Ягуар».

– Какая странная дружба, – заметил Петров, вставляя ключ в замок зажигания.

– Разве я сказал – дружба? Просто знакомая.

– А что, много ее просто знакомых пришло на похороны? – с явным намеком спросил Володя.

– Я не знаю, почему приехала эта... Как ты говоришь? Одинцова? Я ее не звал.

Автобус поехал первым. Юрий посмотрел на «Ягуар» – тот стоял на месте. Стекло машины было опущено до половины, но лица женщины разглядеть не удалось – его закрывали поля огромной черной шляпы.

– Поехали, – сказал Греков.

И машина двинулась вперед. Увидев это, словно по сигналу, тронулся и «Ягуар».

– Тебе не кажется, что она нас преследует? – спросил Петров.

– Не говори ерунды! – отмахнулся Юрий, но сердце тревожно заныло.

Преследует?! Да она давно уже стала его фантомом! А ей все мало! Едет следом, хотя могла бы пулей улететь вперед, так что только бы ветер в ушах свистел.

В путь

Так они и поехали, впереди автобус с бывшими коллегами покойной. Следом за ним серебристая «десятка» Юрия Грекова, вдовца, за рулем которой его друг Володя Петров. Последним – красный «Ягуар» госпожи Одинцовой. Неизвестно-кто-такая-и-зачем-пришла.

Кавалькада смотрелась нелепо: впереди – тихоход, позади – ракета.

Между тем давно уже перевалило за полдень. Юрий Греков нервничал: захотелось вдруг выпить. Он машинально оглянулся, окидывая взглядом салон.

– Что такое? – спросил Володя.

– Выпить бы.

– Ну выпей.

– Так нет ничего! Все там, в автобусе.

Он с ненавистью посмотрел на тихоход, маячащий впереди. Все там: и коньяк, и закуска. Бывшие коллеги небось уже отмечают. То есть поминают. Ну как же он так не подготовился? За хлопотами вылетело из головы. А хорошо бы сейчас выпить рюмочку-другую. Нервишки шалят. Что ни говори, жену похоронил. Жену... Восемь лет прожили...

– ...Юра?

– Да?

– Я спрашиваю: а как вы познакомились?

– Разве Нина тебе не рассказывала? Ты же у нас был частым гостем.

И Греков невольно усмехнулся. Володя Петров работал старшим оперуполномоченным в РУВД, в отделе по борьбе с особо тяжкими преступлениями, в том самом районе, где находилась дача Грековых.

Место расположения коттеджного поселка было очень выгодное. Всего в двух шагах Зеленоград, город-спутник. Прописка московская, инфраструктура тоже. До самой же Москвы, той самой, настоящей, полчаса езды на хорошей машине, если без пробок. Если же с пробками, так можно добираться часа два, а то и три.

Но все равно: земля здесь, через дорогу от столицы, была дорогая, нарезанная мелко, по десять соток. А дома, стоящие на этих сотках, огромные. Тут селились люди богатые, и машины в поселок заезжали о-го-го какие!

Про себя, а порою и в разговоре с коллегами злой на язык Юрий Греков называл коттеджный поселок не иначе как Беверли-Хиллз. Подмосковного, конечно, разлива, но суть вещей от этого не менялась. Сам же Греков лет семь назад правдами и неправдами урвал здесь кусок земли. Те же десять соток. По причине того, что в однокомнатной им с женой тесно, да и жить под старость хочется на природе. До старости им с Ниной было далеко, но и дом так сразу не построишь.

Раньше Юрий Греков работал в Москве, а потом ушел в область, вроде бы с понижением. Всем родственникам и знакомым сказал при этом, что на работу стало ездить неудобно: постоянно пробки. Женился, мол, и решил больше времени проводить с семьей. Тогда еще он не знал, что детей у них с Ниной не будет.

Так Юрий очутился в районной прокуратуре, старшим следователем. По работе Греков и Петров частенько пересекались и вроде бы успешно сотрудничали. Считалось, что они друзья. Со временем и Греков стал думать, что Володя Петров – его друг. А учитывая, что других нет, выходит – лучший. Само собой получилось, что Петров стал в их доме частым гостем. Нина его привечала, и отношения у них были довольно-таки трогательные. Нина мечтала Володю женить, то и дело сватала кого-нибудь из своих подружек, Петров же упорно сопротивлялся. Это было похоже на игру, в которую вот уже несколько лет оба играли с увлечением. Юрий Греков смотрел на это с усмешкой. Он был уверен, что верх одержит Володя, который гораздо

умнее его Пробки. Навязать Петрову чужое мнение невозможно. Если не женится, значит, этому есть серьезная причина.

Бeverли-Хиллз считался местом относительно спокойным. Но если Володе Петрову приходилось сюда забредать по службе, он обязательно заходил на дачу к Грековым. Несмотря на нелады с бытовой техникой, Нина замечательно готовила, а покушать Петров любил.

Участок Грековых был на самой окраине коттеджного поселка, сразу за глухим, выше человеческого роста забором. Что касается двухэтажного дома, это был типичный долгострой. Ну откуда у следователя прокуратуры деньги, чтобы отгрохать шикарный особняк? Потихоньку, кирпичик к кирпичику, дощечка к дощечке. Начали в двадцатом веке, к середине двадцать первого закончим – так порою шутил Юрий Греков. Но он лукавил.

Сейчас дом был отстроен, первый этаж отделан полностью, на втором до вечера суетились строители. Участок обработан, все распланировано: где быть грядкам с зеленью, где бане-сауне, где розовым кустам...

– ...Как познакомились, спрашиваешь? – И он невольно усмехнулся. – После развода с первой женой мне пришлось уйти на частную квартиру. Ты ведь помнишь: я не москвич. Квартира изначально была ее, имущество наживали вместе, но я, как благородный человек, ушел с одним чемоданчиком в руках и...

– Я не про квартиру. Про Нину, – перебил Петров.

– Про Нину? Лет девять назад я работал над делом, довольно запутанным, и мне надо было поднять кое-какие газетные материалы. Компьютер в то время далеко не у каждого в доме был, на работе мы его только-только осваивали, об Интернете больше слухов, чем дела. Это сейчас любую информацию можно получить, не сходя с места, а тогда... Помню, помню. Ты о Нине спросил. Это просто. Зашел в библиотеку, а там, в читальном зале, сидела она.

Греков вспомнил: да, так оно все и началось. Пришел в библиотеку, а там, в читальном зале, за кафедрой – маленькая серая мышка. Во внешности его жены не было ничего примечательного. Типичная библиотечарша. Не удивительно, что почти до тридцати замуж никто не взял! Роста невысокого, сублинная, волосы гладко зачесаны, одета скромно. Он же был мужчиной видным, в плечах широк, в талии тонок и лицо... ну, скажем, значительное. Когда Греков смотрелся в зеркало, то с удовлетворением отмечал, что все вроде бы на месте. Красавцем писанным он себя не считал, но если уж по правде, то рядом с ним Нина выглядела и вовсе уж серо.

– Девушка, говорю, дайте мне подшивку газет за прошлый год. Смотрю: она вдруг зарумянилась, вскочила – и бегом в хранилище. Принесла мне подшивку, потом еще одну. Засиделся я допоздна. И вдруг голосок над ухом: «Извините, мы закрываемся». Так и вышли из читального зала: вместе. Делать нечего, пришлось ее проводить.

И Юрий Греков вновь невольно усмехнулся. Вспомнилось вдруг: зима, вечер тихий, теплый, с неба мягко падают огромные, как пушинки из бабушкиной перины, снежинки. Она в осеннем пальтишке, но в смешной меховой белой шапке с пришитым сзади пушистым хвостом. У двери в подъезд внезапно краснеет, бормочет «до свидания» и исчезает, не оставив ему даже номера телефона.

Пришлось зайти в читальный зал еще разок. Недоработали.

– Значит, это не была любовь с первого взгляда?

– Любовь? Ах да. Конечно. Любовь.

В действительности же ему надоело жить на частной квартире. Юрий Греков был человек основательный. И делать все умел основательно: содержать семью, зарабатывать деньги и организовывать близких людей так, чтобы всё остальное делали за него они. А не умел он делать ремонт своими руками, готовить, стирать, гладить белье, мыть полы и так далее. Не то чтобы не умел – не хотел. Развод его не столько огорчил, сколько разозлил. Бытовых неудобств Юрий Греков не выносил.

Поэтому, узнав, что у Нины пустует отдельная квартира в Зеленограде, задумался все-рьез. Приданым девушку обеспечили, но жила она по-прежнему с родителями. Почему?

– Я так и спросил, когда к дому шли: почему? Она говорит: привыкла, мол. А замуж, говорю, не хочешь? Тут она опять покраснела.

– Так сразу и спросил? – удивился Володя.

– А что такого?

– Ну ты даешь! Я вот их боюсь.

– Кого?

– Женщин. Потому и не женат до сих пор.

– Не женат ты по собственной дури, – сердито сказал Греков.

– А может, потому, что не встретил такую, как твоя Нина? – тихо спросил Володя.

– Чего?

Ну Петров дает! Тоже мне, идеал! Его Нинка-Пробка! Сошелся-то с ней, чтобы какое-то время перекантоваться. А она, дуреха, влюбилась не на шутку. И даже замуж за него пошла.

Настоящий же шок Юрий испытал в первую брачную ночь, узнав, что его невеста – девственница! Выходит, все по-настоящему. Ну откуда она такая взялась? Греков с тоской вспомнил, как пытался ее расшевелить, а она краснела и все пыталась натянуть на них одеяло, хотя на улице уже было лето, и жара стояла нестерпимая. И потом, что бы он ни делал, это было неискоренимо. Нина всегда занималась любовью с законным мужем, натянув на обоих одеяло до макушек, отчего он потел и задыхался. И был уверен: это не доставляет и жене ни малейшего удовольствия. Если уж ему приходится делать над собой усилие, то что говорить о ней! Это обижало, потому что с другими женщинами все было иначе.

Но Петрову он об этом не скажет. Это – личное. Скажет другое:

– Да, она была хорошая женщина.

Вдруг он в зеркало заднего вида с ненавистью посмотрел на красный «Ягуар».

– Едет? – поймав его взгляд, спросил Петров.

Володька – профессионал. Не надо об этом забывать. Настоящий профессионал, из числа тех, кто лишнего шума не производят, никогда не суетятся и в компаниях, в шумных застольях о своих подвигах не распространяются. Они тихо и молча делают свое дело.

Юрий вдруг вспомнил, как месяц назад в бассейне наблюдал за двумя пловцами. Перед прыжком один активно разминался, размахивал руками, надувал щеки и демонстрировал девочкам свою мускулатуру. Второй просто стоял и смотрел на воду. Сосредоточенно. Потом они поплыли. Первый двигался шумно – брызги летели стеной, пятки сверкали, руки мелькали, девочки вокруг визжали. Второго никто не замечал, он работал тихо и все так же сосредоточенно. Но первым приплыл именно он – Володя Петров. Тот, который стоя на тумбе размахивал руками, потом кричал: «Это нечестно! Случайность! У меня ногу свело!»

Но все было честно. Юрий Греков в этом не сомневался. Потому что он знал своего друга...

– Знакомая, значит, – еле слышно вздохнул Петров.

– Я и сам не пойму: чего она прицепилась к Нинке?

– Что, часто заходила?

– Видишь ли...

И Юрий Греков задумался. Дом Одинцовых считался самым богатым в коттеджном поселке. И землицы у них было побольше, чем у прочих – соток тридцать. И сам особняк – на загляденье: в три этажа, с зимним садом, с огромной застекленной верандой, флигелями, мансардами, над которыми возвышались островерхие крыши цвета переспелой вишни. Этот огромный дом – символ богатства, успеха и процветания – стоял в самом центре поселка и невольно притягивал взоры. Он был похож на красавец-фрегат, возглавляющий эскадру, а на флагштоке вместо вымпела во время порывов ветра бешено вертелся флюгер. Вокруг сгрудил-

лись деревянные ладьи многочисленных построек: тут и русская баня, и сауна с бассейном, и беседка, и еще много чего.

Юрий знал, что хозяйку особняка зовут Алиной. Алина Одинцова и Нина Грекова. Что между ними может быть общего? Да ничего!

– ...я не видел, чтобы она заходила к жене.

– Может быть, Нина к ней?

– Ты смеешься? В доме Одинцовых ее могли бы принять только в качестве прислуги. С черного хода. Но этого бы я уже не допустил.

– Тогда как объяснить появление Одинцовой на кладбище?

– Не знаю.

– Я потому спрашиваю, что мне все это несколько странно. Ведь я занимался делом Михаила Одинцова.

– Да, помню, – тут же помрачнел Греков. Лучше бы Володя этого не вспоминал!

– Я просто подумал: какое странное совпадение.

– Какое тут может быть совпадение?

– Два весьма похожих самоубийства. Выстрел в висок, около полуночи. И оба потерпевших жили на моем участке. На территории коттеджного поселка, который до сих пор считался благополучным. Это что, эпидемия? Ведь между первым и вторым самоубийством только полгода прошло!

– Для эпидемии, – кисло сказал Греков, – мало случаев и много времени, которое их разделяет. Это я тебе как следователь говорю.

– И Одинцова вдруг появляется здесь, на кладбище, – гнул свою линию Володя.

– Может, в память о муже?

– Приехала проводить в последний путь женщину, которая умерла так же, как и ее муж? Кстати, а они были знакомы?

– Одинцов и моя жена? Какая чушь!

Юрий чуть не рассмеялся, но вспомнил, что едет с похорон. Собственной жены. Смех в данном случае неуместен. Нина и Одинцов! Домохозяйка, не принадлежащая по уровню доходов даже к среднему классу, и миллионер! Ну Петров сказал!

Разумеется, у миллионеров могут быть любовницы. Но не такие, как его Пробка. Она была не только глупа – она была некрасива. Одевалась безвкусно. Говорила бессвязно. И вообще, истеричка. Разве можно, имея такую жену, как Алина, бросить хоть один взгляд в сторону Нины Грековой?

Конечно, чудеса случаются, но только в сказках. А следователь Греков мыслит реальными категориями. Между господином Одинцовым и его Ниной не было ничего общего. Вряд ли они были даже знакомы. И если бы не красный «Ягуар», по-прежнему маячащий за спиной, то Юрий подумал бы, что появление Алины на кладбище – это сон. Мираж. Но ведь Петров его тоже видит! «Ягуар»!

Наконец-то они выехали на кольцо.

– Как хочется выпить, – тоскливо сказал Греков.

– Потерпи. Меньше чем через час будем на месте.

– Смеешься? Впереди – автобус! Тихоход! Все равно без них не начнем. Может, тормознуть их? Взять бутылку коньяка, и...

– Неудобно.

– Неудобно на гвоздях спать.

– А ты пробовал?

– А ты?

Они переглянулись. Между лучшими друзьями всегда есть соперничество. И незаметна грань, когда оно может перейти в открытую вражду, даже месть – за те моменты, когда прихо-

дилось признавать свое поражение. Юрий Греков имел разряд по спортивной стрельбе, Володя Петров – разряд по плаванию. Греков тащил друга к стенду, на котором висели мишени, Петров, в свою очередь, затаскивал его в бассейн, где был явно сильнее. Втайне Греков стал регулярно ходить в бассейн и подозревал, что Петров, втайне же, занимается с инструктором по стрельбе дополнительно. Готовят друг другу сюрприз.

Речь о гвоздях зашла не случайно. Чем проще говорит Петров, тем глубже подтекст. Такова сущность его натуры.

– Ладно, проехали, – миролюбиво сказал Петров.

Он всегда отступает первым. Есть люди, которые ломаются, а есть те, которые только гнутся. Это к вопросу о гвоздях.

– Извини, я не в себе.

– Понимаю. Гляди-ка... Никак пробка! – вдруг воскликнул Петров.

– Да нет, едут, – уверенно сказал Юрий. – Медленно, но едут. Рассосется.

– Не развернуться ли? – забеспокоился Володя. – В другую сторону, кажется, движение нормальное!

– Поезжай вперед!

Как всегда, они друг другу противоречили. Но на стороне Грекова был автобус, который разворачиваться не собирался. И «Ягуар», который также не намеревался менять курс. Он только переместился на атакующую позицию, справа.

Греков повернул голову и увидел ее профиль: кончик носа, бледную щеку, в ухе крупный сапфир. Кажется, Алина усмехнулась. Он махнул рукой: давай, мол, проезжай! Но Одинцова не отреагировала. «Ягуар» притормозил и поехал рядом.

Юрий видел, как автобус тоже замедляет ход и вклинивается в поток машин, которых становится все больше и больше, а просвета между ними – все меньше и меньше.

Медленно

«Жигули»

– ...Слушай, а как все было? – спросил Володя Петров, сосредоточенно глядя на дорогу.

– То есть?

– Когда ты нашел Нину мертвой? И что произошло до того?

– Я же тебе уже рассказывал, – заерзал на сиденье Греков.

– И все-таки.

– О господи! Мы поссорились. Последнее время вообще все шло не так. Уволил бригаду строителей, которые откровенно халтурили, расстроился, увидев их работу, нервы расшатались. Она же потребовала внимания. Слово за слово, дальше ты и сам знаешь. Как это у нас было. Я выскочил из дома и кинулся к машине. Она кричала вслед: «Если ты сейчас уйдешь, ты никогда меня больше не увидишь! Никогда!!!»

– И ты все же ушел?

– Володя, это не в первый раз. Нина постоянно угрожала мне самоубийством, если я подам на развод.

– Допустим. Что касается Нининых угроз в тот вечер, соседи это подтверждают, – задумчиво сказал Петров. – Она действительно так и сказала: «Ты никогда меня больше не увидишь».

– А ты что, проверял?! – возмутился Греков.

– Извини, но это моя работа. А что было дальше?

– Я сел в машину и уехал в Зеленоград.

– Почему же ты все-таки вернулся? – тихо спросил Петров.

– Я вспомнил, что оставил на даче пистолет. Понимаешь, поскольку такие сцены повторялись, по крайней мере, раз в месяц, сразу я этому не придавал значения. Не хотел, чтобы жена подумала, будто я поверил ее угрозам! И я уехал. Был уже вечер. Погода мерзкая. Шел дождь. На улице темно, пасмурно. Настроение у меня тоже было мерзкое. Я сидел дома, смотрел в окно...

– Пил?

– Было малость, – кивнул Юрий. – И вдруг я подумал: вот в такую погоду люди, склонные к суициду, и кончают жизнь самоубийством. И вновь вспомнил про пистолет. Тут мне вдруг стало не по себе. Сердце заныло. Как-никак, мы с Нинкой... Ниной восемь лет прожили. Не душа в душу, конечно, но друг к другу притерпелись. Я словно почувствовал что-то. Лег спать, но сон не шел. Ворочался, ворочался, а потом не выдержал. Этот пистолет не давал мне покоя! Что он лежит в ящике, в шкафу. Я встал, оделся и пошел на дачу.

– Пешком пошел?

– Я же выпил. Не садиться же за руль в таком состоянии? У нас там стационарный пост, на выезде из Зеленограда. Рисковать я не люблю. Тем более идти недолго – минут двадцать, а быстрым шагом и того меньше.

– Все время хотел спросить: зачем строить дачу в двух шагах от квартиры?

– Во-первых, не в двух шагах, – вздохнув, сказал Греков. – Во-вторых, это не дача, а загородный дом. Мы планировали, когда он будет готов окончательно, продать свою однушку и переехать туда насовсем.

– Понятно, – кивнул Петров.

– Ну, слава богу! А то я уж подумал, что ты меня в чем-то подозреваешь!

– Что ты, Юра! – отмахнулся Петров.

– Так вот, когда я вернулся, было уже около полуночи. Я удивился, что входная дверь открыта. Легла спать и не закрылась? У нас, конечно, спокойно, но все-таки... Все запираются на ночь. Я вошел в дом и крикнул: «Нина? Ты где?» Мне никто не ответил. Тогда я прошел в гостиную и...

Юрий замолчал. Петров тоже молчал, напряженно глядя на дорогу, потом спросил:

– Тебе тяжело вспоминать?

– Да, знаешь. Непросто. Она была там, в гостиной, на диване. Я сразу все понял. Она все-таки это сделала...

– Эксперт говорит, что она умерла между одиннадцатью и полуночью.

– Да? Что ж... Возможно, – безразлично сказал Греков. – Я сразу же стал звонить тебе.

– Да, я помню, – кивнул Петров, безотрывно глядя на дорогу. – У меня на часах было две минуты первого.

– Извини, но я на часы не смотрел.

– Понимаю. Скажи... – Петров вдруг замялся. – Я знаю, что Нина была не в ладах с техникой. А как же тогда оружие? Если бы она отравилась или надышалась бы угарным газом, это было бы по-женски. Но пистолет...

– Не забывай, что она была женой спорт-смена-стрелка. Разумеется, я показывал ей оружие и пытался научить с ним обращаться.

– А зачем?

– Разве тебе не хочется, чтобы самый близкий человек разделял твои интересы? Уважал твоё хобби? Чтобы ты мог поговорить с ним об этом? Допустим, ты женился или завел подружку. Что, не стал бы агитировать свою девушку ходить в бассейн? Не пытался бы дать ей уроки плавания?

– Конечно, да, – охотно согласился Петров. – Мне было бы приятно, если бы она видела, как хорошо плаваю я, да и сама бы смотрелась в бассейне неплохо.

– Я думал точно так же и приобщал Нину к стрельбе, в клуб водил. Оружие Нина держала в руках неоднократно и на курок нажимала, хотя и не попадала в цель. Зрение у нее было плохое. Но чтобы приставить пистолет к виску и выстрелить, не надо даже очки надевать. Так что...

– Странно, что она не оставила предсмертной записки, – вздохнул Володя Петров.

– Разве мало она об этом говорила? – слегка удивился Греков.

– О том, что собирается покончить жизнь самоубийством? – в свою очередь удивился Петров. – Ни разу!

– Это тебе ни разу.

– А тебе?

– Володя, это уже не смешно. Мы пошли по второму кругу. Мне говорила. У нее была депрессия. А последнее время она вообще все время находилась в подавленном состоянии.

– Из-за чего?

– Из-за того, что не могла иметь детей.

– А она обследовалась? Ходила к врачу?

Юрий нахмурился. Да его жена только и делала, что ходила по врачам! Он злился на то, сколько его Пробка относил денег в частные клиники. Ведь результат – ноль. Давно уже пора было понять, что детей у них не будет.

– А ты хотел иметь детей? – тихо спросил Володя.

– Ну разумеется!

– Обследовался?

– Ты что, издеваешься надо мной?

И Юрий Греков невольно расправил широкие плечи. Кто бы сомневался, что у такого большого сильного мужчины что-то не в порядке! Взять его и взять Нинку. Да одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять: это она во всем виновата!

– Странно... – задумчиво сказал Петров. – У ее старшей сестры двое.

– Ну и что?

– Значит, с наследственностью все в порядке. Может быть, Нина серьезно болела, и это стало причиной бесплодия?

– Я-то откуда знаю! – резко сказал Греков.

– А ты не говорил с врачом?

– Ну что ты ко мне пристал?! При чем здесь это? Она умерла, понимаешь! Теперь то, чем она была больна, не имеет ни малейшего значения!

– Ты знаешь, что Михаил Одинцов, покончивший с собой в конце этой зимы, тоже страдал бесплодием?

– На что ты намекаешь? – насторожился Юрий.

Петрова явно занесло не туда. Надо его притормозить.

– Я не намекаю. Я просто констатирую факт.

– Констатировать факт – это моя работа, – напомнил Греков.

– Юра, не злись, просто я пытаюсь понять, почему эта женщина едет рядом. – И Петров через его плечо посмотрел на красный «Ягуар».

– Быть может, она сумасшедшая? Маньячка?

– Одинцова? Она по образованию психолог.

– По-твоему, психолог не может сойти с ума?

– Всякое бывает. А что ты так разволновался? Я просто ищу...

– В данном случае ты ищешь аналогию.

– Быть может, они ходили в одну и ту же клинику? Михаил Одинцов и Нина?

– Где их и довели до самоубийства? Какая чушь! – Греков чуть не рассмеялся.

– Почему ты так думаешь? – тихо спросил Петров.

– Потому что... Если уж Одинцов и ходил по врачам, то, учитывая, сколько у него было денег, это были отнюдь не те врачи, к которым обращалась моя жена!

При этих словах Володя Петров как-то странно посмотрел на друга и, кажется, усмехнулся.

– Что? Что такое? – заволновался Юрий.

– Ты так хорошо знал свою жену? – вдруг тихо спросил Петров.

– Послушай, давай поговорим о чем-нибудь отвлеченном. Не о Нине.

– Хорошо, – охотно согласился Петров. – Я расскажу тебе одну презанимательную историю. На первый взгляд она может показаться фантастической, и если бы я не знал на сто процентов, что так было на самом деле, не поверил бы ни за что! Это история самой невероятной карьеры. Не просто из грязи в князи. С самого дна, из отбросов общества – на вершину социальной лестницы, где слава, почет, уважение. И деньги. Интересно послушать?

– Ну, давай, – кивнул Греков.

О чем угодно, только не о Нине. Пусть Володька немного его развлечет. Поток машин движется очень уж медленно, но на кольцевой так бывает. Где-то, на выезде с крупной магистрали, вливается большой ручеек и движение начинает тормозиться. Как только они минуют опасный участок, вновь поедут быстро.

Через какой-нибудь час будут на месте. Через какой-нибудь час...

Автобус

– Ой, девочки-и-и... Давайте помянем нашу Нину-у-у...

Всхлипывания.

– Да. Пусть земля ей будет пухом!

– Хорошая была женщина.

– Да, да. Не чокаясь.

Коллектив, в котором когда-то работала жена Грекова, приехал на похороны почти в полном составе. Библиотека была небольшая и располагалась не в отдельном здании, а на первом этаже жилого дома. Штат состоял из девяти человек, но зачастую работало гораздо меньше людей, потому что зарплата была маленькая, соответственно текучесть кадров – большая. Даже те, кто работал недавно, покойницу хорошо знали. Хотя вот уже шесть лет как Нина перешла в разряд домохозяек, она по-прежнему приезжала в библиотеку: привозила торт к чаю или шампанское к празднику, устраивала посиделки.

А работу свою Нина очень любила и после замужества бросать ее не собиралась. Два года ездила в Москву, к девяти часам, и ни разу не опоздала, хотя добираться приходилось двумя видами транспорта аж полтора часа. Но Нина была энтузиасткой.

В конце концов, практичный Юрий Греков возмутился и сказал:

– Скоро ты будешь тратить на дорогу больше, чем зарабатываешь. Извини, но я не вижу в этом никакого смысла. В Зеленограде тоже есть библиотеки. Если уж ты так хочешь...

– Я хочу работать в *этой* библиотеке, – тихо сказала Нина.

– А какая разница, эта или та?

– Для тебя – никакой.

В самом деле, Греков никак не понимал привязанности жены к коллегам. Обстановка в любом женском коллективе достаточно напряженная, эти же выясняли отношения все время, без передыха, и всегда на повышенных тонах. На взгляд Юрия Грекова, делить им было абсолютно нечего – зарплата мизерная, работа скучная. Но женщины это женщины, склоки и сплетни – их стихия. Юрий Греков откровенно не любил бабья.

Консерватизма жены он понять не хотел, а Нина просто боялась любых перемен. Жена предпочитала ездить на старую работу, а не найти новую. Она ходила в этот «гадюшник», как в сердцах называл его Греков с упорством мазохиста, который хочет, чтобы его изо дня в день пытали и били плетьюми.

– Почему? – добивался он.

– Они мои подруги.

– Подруги?! Да они мне про тебя такое говорили, когда мы еще не были женаты! Да и потом всеми силами пытались развести! Подруги!

– Они просто ревновали меня к тебе. Знали, что если я выйду замуж, то не смогу больше с ними работать. Они меня любят.

– А разве поэтому не должны желать тебе счастья?

– Должны. Но себя они любят больше. Это естественно. Когда я была не замужем... – и жена тихонько вздыхала, – ...это их примиряло. У них ведь семьи, дети. А у меня и того нет. И я все время говорила: «Девочки, вы не понимаете своего счастья». За это меня и любили. Ведь больше всего дорожат тем, кто вызывает наибольшую жалость. Без меня они окончательно перессорятся.

– В общем, так: я тебя выслушал, и все, что ты сказала, бред – от начала и до конца. Работать ты больше не будешь. Сиди дома. Денег у нас хватает. А я хочу, во-первых, покоя, во-вторых, приходиться с работы к накрытому столу, в-третьих, чтобы в шкафу всегда висели чистые, отглаженные и накрахмаленные рубашки...

– А разве не...

– Ты меня поняла?

– Хорошо.

Жена сдалась, но втайне продолжала ездить в библиотеку. Раз в неделю, а если не получалось, то хотя бы раз в месяц. Говорила, что на рынок или в Москву – по магазинам развеяться. На самом же деле мчалась туда. И даже помогала подругам, продолжала выполнять свою работу, хотя уже и не числилась в штате...

... – Ой-ей-ей! Какой же это был замечательный человек, наша Нина! Ой-ей-ей! – всхлинула заведующая, Антонина Дмитриевна.

Это была высокая, полная женщина, с гордо посаженной головой. Ни разу ее не видели на работе небрежно одетой, без прически и макияжа. Внешний вид Антонины Дмитриевны кому-то мог показаться слишком вызывающим, но такова уж она была: если серьги, то крупные, если помада, то яркая, если уж бусины, то размером с фасоль.

– Как же жалко-то ее! – продолжала причитать заведующая. – Как жалко! Такая молодая! Жить и жить! Ой-ей-ей!

– Ты бы помолчала, – хмыкнула ее подруга и первый заместитель Татьяна.

Разница в возрасте у них была лет десять, одной уже к пятидесяти, другой к сорока, но дети – младший сын заведующей и старшая дочь Татьяны – ровесники. Оба выпускники, теперь перешли в одиннадцатый класс. На этом женщины и сошлись.

Татьяна была полной противоположностью подруге: маленького роста, кургузая, с круглым веснушчатым лицом. Одевалась она скромно, косметикой почти не пользовалась. Внешне курица-наседка, а характер – петушиный, боевой. Татьяна могла и слово резкое сказать, и наскочить, хлопая крыльями. Как, например, сейчас:

– Не тебе об этом говорить, Антонина.

– Это еще почему? – вскинулась Антонина Дмитриевна.

– Тебе теперь хорошо. Выгодно, что она умерла.

– Танька, да что ты такое говоришь?!

– Ты ей смерти желала.

– Я? Смерти?!

– А то я не знаю! Ты ж мне сама проболталась! Помнишь? Что, мол, не знаешь, как теперь выкрутиться.

– Да мало ли что я сказала!

– Выходит, все само собой и решилось. Нины нет, и проблемы нет.

– Замолчи!!!

– О чем это вы? – начали переглядываться остальные.

Всего в автобусе ехало семь женщин. Антонина Дмитриевна была заведующей и при Нине Грековой, главной ее начальницей, а Татьяна – самой близкой Нининой подругой, ведь они были почти ровесницы. Остальные – моложе либо значительно старше. Худенькой брюнетке Гале двадцать девять, она тоже работала с Ниной, а год назад ушла в декрет. Возвращаться из него по слухам и не собиралась: муж нашел хорошую работу, в семье появились деньги, и нужды просиживать весь день в библиотеке, нет. Галя тихоня, скрытная. Об этом она пока молчит, заявление не пишет.

Милочка и Киска – совсем еще молоденькие, и двадцати нет, устроились на работу прошлым летом. Обе заочно учатся в институте, на платном. Того и гляди, приищут себе что-нибудь денежное и уйдут. Милочка хорошенькая, а Киска – очаровашка. Они худенькие, стройные, носят одинаковый размер и часто меняются одеждой. То Милочка придет в новых Кискиных джинсах, то Киска нацепит Милочкин топик. Татьяна порой язвит, что и трусики они носят по очереди: покупают в складчину, а потом обмениваются. Девчонок она частенько шугает из туалета, где те покурявают, и вообще, всячески старается досадить.

Таисия Максимовна хотя и на пенсии, но работает заведующей читальным залом. Она была непосредственной начальницей Нины. Это одинокая, больная женщина. Ее волосы выкрашены в какой-то немыслимый и давно уже не модный цвет и начесаны. На сморщенной шее – ожерелье из янтаря, с которым Таисия Максимовна никогда не расстанется. Та же Татьяна язвит, что она и спит в нем – в память, мол, о возлюбленном-прибалтийце, который подарил ожерелье в знак помолвки и растворился в холодных водах Финского залива. Сейчас, когда вспыхнула ссора, Таисия Максимовна смотрит на всех с испугом.

Что касается Инны – это Нина Грекова дубль два. Пришла в библиотеку три года назад. Не замужем. Детей нет. Живет с родителями. Что еще? Личная жизнь ее на нуле, и сказать о ней нечего.

Одна сотрудница только-только уволилась, еще одна приехать не смогла. Остальные объявили траур и взяли выходной. Библиотека сегодня закрыта. Почему заведующая пошла на это, знает только она сама, да еще Татьяна, которой та проболталась как-то.

Переглянувшись, обе тянутся к наполненным пластиковым стаканчикам. Татьяна уже поняла, что переборщила. Не надо бы об этом при всех. Ой не надо!

– Не время ссориться, – примирительно говорит Галя. – Нина была хорошей. Хотя бы из уважения к ней. К ее памяти.

Женщины молча, не чокаясь, выпивают. И пауза. Долгая пауза...

Красный «Ягуар»

Она едет одна – ей не с кем поговорить. Она за рулем – ей нельзя выпить, хотя и хочется. Очень. Потому что тоска. Какая же тоска! Она смотрит вперед и понимает: это пробка.

Пробка...

Ее никогда не называли так. Кто бы посмел! Пробка – это значит тупая, глупая.

Алина не слыла самой красивой девочкой в школе, так, обыкновенной. Малышкой – да, была очаровательной, волосы вились, щечки алели, глазки сияли, а потом внезапно и очень уж быстро подурнела и стала обыкновенной: роста среднего, не худая и не толстая, не блондинка и не брюнетка, не хорошенькая, но и не уродка. Лицо ничем не примечательное, плоское, глаза серые, волосы тусклые. Зато – самая умненькая.

Имя у нее было очень красивое – Алина! А вот фамилия неблагозвучная: Лепехина. Алина Лепехина. Если бы она была хорошенькой, звали бы Алей, Алечкой. А так – Лепехиной. И учителя и одноклассники, не сговариваясь, обращались: Лепехина, сделай то-то, Лепехина, пойди туда-то. Лепехина, в твоих руках честь класса. Честь школы. Честь района. Лепехина, на олимпиаду. Лепехина, на дорожку. Решай, беги, читай стихи, прозу, пой, пляши, словом, отстаивай.

Одноклассники звали и обиднее: Лепеха. А так хотелось им нравиться!

А она была Пробка, Нина Грекова. Собственный муж таким прозвищем наградил. Но за все в жизни надо платить. И за обиды, которые наносишь другим, тоже. Юрий Греков еще ничего не знает и даже не догадывается. Но ничего. Недолго осталось. И тогда он заплатит за все. Потому что остальные уже заплатили.

Школьные красавицы, местные звезды, ау! Где вы сейчас и где Алина Лепехина? Лепехина? Нет, она уже не Лепехина! Она – Алина Одинцова! Звучит!

Госпожа Одинцова едет на красном «Ягуаре». У нее самый большой и красивый дом в коттеджном поселке, где живут люди отнюдь не бедные. У нее много денег. Обыкновенная? О нет! Обыкновенной была Лепеха, а госпожа Одинцова – красавица! Был бы ум и были бы деньги. Можно покрасить волосы, и они засияют, как солнце. Можно вставить цветные линзы, и твои глаза станут синими, как небо. Можно нарастить ногти, сделать грамотный маникюр, и твои пальцы зрительно удлинятся. А если их украшают золотые и платиновые кольца, а если в этих кольцах сверкают настоящие бриллианты...

Был бы ум, были бы деньги и было бы упорство. Воля к победе. Фигуру тоже можно сделать. Пусть нет талии, грудь маленькая, а бедра по-мальчишески узкие. Существуют тренажерные залы, клиники пластической хирургии, в конце концов. Есть все, если есть деньги.

Школьные красавицы, королевы балов, вдохновительницы вечеров и местных гениев, где вы? Ау! Одной такой фее Алина всегда проигрывала на беговой дорожке. Воля к победе была, а физических данных не хватало, и на полшага она всегда была позади. А за красавицей вился не только шлейф побед на спортивных соревнованиях, но и шлейф поклонников. Та выскочила замуж мгновенно, и без проблем. Алине же пришлось пройти долгий путь. Но зато это было Замужество! Именно так: за мужество. За волю к победе и терпение. С большой буквы!

Лет через десять после окончания школы они случайно встретились. Алина забежала к родителям, проведать больную маму, и оказалась во дворе дома, откуда каждое утро, не считая каникул и выходных, уходила в школу. Там и столкнулась с бывшей одноклассницей. Фея по-прежнему выглядела победительницей. От нее пахло дорогими духами, белокурые локоны рассыпались по плечам, рядом шел муж, высокий плечистый красавец, за руку цеплялся хорошенечкий мальчик лет девяти. Увидев давнюю соперницу по беговой дорожке, фея расчирилась:

– Ой! Алина! Как ты? Где?

- Закончила университет. Работаю психологом. Свободного времени почти нет.
- Замужем?
- Нет, – ответила она с глухой тоской. – Я не замужем.
- О! – округлила фея прелестный ротик. – Ну ладно. Не огорчайся.
- Да с чего ты взяла, что я огорчаюсь? – всерьез разозлилась Алина.
- Ну как же! Из нашего класса одна ты еще не замужем!
- Насколько я знаю, пятеро уже развелись.
- Все равно.

«До них, по крайней мере, нашлись охотники, – досказал синий взгляд феи. – А на тебя так никто и не польстился. И не удивительно! Ты ж Лепеха!»

В то время Алина все еще носила очки, и волосы ее были тусклыми, зато у нее в кармане лежал диплом МГУ. Конкурс пришлось выдержать немалый, да и потом работать, не жалея сил. Теперь Алина Лепехина – дипломированный психолог, у нее идет рабочий стаж, накапливается опыт. Пройдет какое-то время, и обращение к психологам войдет в моду. В стране грядут большие перемены, у людей появятся большие деньги, а значит, появятся проблемы. Легко нажить, легко и потерять, все этого боятся. Страхи – специальность Алины. Всех этих людей надо лечить, то есть выслушивать, быть внимательной и терпеливой. До того момента, когда выпадет шанс и можно будет воспользоваться полученной информацией. Недаром Алина Лепехина была самой умненькой девочкой в старших классах и на хорошем счету в университете. Она давно уже все это поняла.

Вот куда ушли силы! На учебу, в работу! А то, что в двадцать семь еще не замужем, не страшно. С этим спешить не стоит.

На следующий день она пошла в парикмахерскую и покрасилась в блондинку и впервые в жизни сделала маникюр у профессионала. А еще через несколько лет, едва они появились в продаже, приобрела цветные контактные линзы. Синие. И когда они встретились с феей теперь уже через двадцать лет...

Через двадцать лет после окончания школы. Им теперь было по тридцать семь. Алина приехала к отцу, в тот самый дом, откуда когда-то убегала в школу с портфелем в руках. Приехала на красном «Ягуаре», шикарно одетая, подтянутая, подбородок гордо приподнят, плечи расправлены. В ушах и на пальцах сверкают бриллианты, прическа, маникюр и макияж – безупречны.

Поэтому они с давней соперницей по беговой дорожке друг друга не сразу узнали. Та, открыв рот, смотрела, как из шикарной машины выходит шикарная женщина. Алина же с некоторой брезгливостью покосилась на толстушку с неопрятными волосами, за руку которой цеплялся сопливый мальчишка лет семи.

- Алина, ты?! – ахнула вдруг толстушка.

И тут Алина ее узнала. Бог ты мой! Где белокурые локоны до плеч? Где синие глаза? Они потускнели, выцвели. И лишний вес. На ее критический взгляд, не меньше пятнадцати килограммов!

«Ну что, побежим?» – захотелось сказать ей. Алина, каждый день совершающая утренние пробежки вокруг своего особняка, по-прежнему была в отличной форме.

– Какая машина! – разохалась бывшая первая красавица школы. – А украшения! С ума сойти! – Глаза у женщины жадно блеснули.

- А как ты?

– Представляешь, муж меня бросил! – пожаловалась та.

«Не удивительно!»

– С двумя детьми! Нашел себе какую-то... А что ты? Замужем?

Должно же быть у этой шикарной женщины хоть одно уязвимое место!

– Да, – спокойно ответила Алина. – Я замужем уже восемь лет. За очень богатым человеком. Мы живем за городом, в шикарном особняке. Недавно муж подарил мне эту машину. Он меня очень любит.

Отчиталась. Во взгляде бывшей одноклассницы мелькнуло разочарование. Дабы не развивать тему, госпожа Одинцова сказала довольно резко:

– Извини, мне некогда.

И быстро пошла к двери в подъезд.

– Что ж, ты по-прежнему на работе надрываешься? – уже в спину спросила бывшая одноклассница.

– Еще чего! – не оборачиваясь, сказала Алина.

И на мгновение почувствовала себя счастливой. Всего лишь на одно мгновение. Потому что на самом деле ей хотелось выть от тоски и рвать на себе волосы. Но она не могла допустить, чтобы бывшая соперница по беговой дорожке увидела ее слезы...

Очень медленно

«Жигули»

– ...Я ж тебе говорил: это пробка, – покачал головой Володя Петров. – Надо было вернуться и ехать по кольцу в другую сторону.

Греков уже и сам это понял. Надо было послушаться Володю, а теперь поздно. Сзади напирают машины, и возможности выбраться нет никакой. Но из упрямства Юрий Греков сказал:

– Рассосется.

– Сомневаюсь.

– Кстати, ты обещал меня развлечь. Рассказывай свою фантастическую историю.

– Ах да! – хлопнул себя по лбу Володя. – Историю! Ну слушай. Ее герой – человек реальный. Мало того, ты сталкивался с ним чуть ли не каждый день, на протяжении нескольких лет, но не замечал. Или замечал, но безразлично отворачивался. От него всегда дурно пахло, потому что он редко мылся, зато частенько копался в мусорном контейнере, в отбросах.

– Бомж, что ли? – безразлично спросил Юрий Греков.

– Да, бомж. Если ты помнишь, лет пять назад у вас в подъезде дежурила консьержка.

– Было, – кивнул Греков.

– Жильцы позвали рабочих, те отгородили небольшое помещение, метра два с половиной на полтора, поставили там стол, стул, маленький черно-белый телевизор. Помнишь?

Греков молча кивнул.

– Продлилось это недолго, потому что большая часть жильцов плату вносила нерегулярно, а потом и вовсе отказалась.

– К чему ты мне все это рассказываешь? – нетерпеливо спросил Греков.

– Это предыстория. Номер один. А сейчас будет предыстория номер два. Жил-был человек. Неглупый, образованный. В своей квартире. Коренной москвич. Окончил технический вуз, потом аспирантуру, стал преподавателем и даже защитил кандидатскую диссертацию. Но угораздило его неудачно жениться – на стервозной бабе-лимитчице, которая решила его использовать и обобрать. Родила ребенка, может, от мужа, а может, и нет, прописалась в квартире, и отпрыска своего прописала. А наш герой был человеком добрым и безотказным. Когда жена затеяла развод, а потом размен, не сопротивлялся, адвоката не нанимал и опомнился только, когда очутился в маленькой комнатке в коммуналке. Новая однокомнатная квартира по решению суда досталась бывшей жене и сыну.

– Обычная история, – сердито сказал Греков.

– В общем-то, да, – вздохнул Володя Петров. – Но продолжаю. Очутился наш герой в коммуналке, откуда энергичные соседи сразу же стали его выживать. До его появления комнатка пустовала и была в полном их распоряжении. А тут, понимаешь, потеснили. К тому же, после развода наш герой с горя начал пить. По-тихому, но крепко, что было лишним поводом для соседей от него избавиться. Мало ли? Напьется, уснет с зажженной сигаретой в руке и все спалит! Или входную дверь оставит открытой. Им-то было за что опасаться: имущество, деньги.

Словом, началась кампания – с привлечением участкового, управдома и все такое прочее. С работой у героя тоже были проблемы. Из-за пьянки. Из института его выгнали, потому что регулярно срывал занятия или являлся на лекции пьяный. Чтобы хоть как-то заработать на жизнь, он стал летом по дачам шабашить. Приятели его тоже обирали, но зато спиртного было – залейся! А к тому времени пятиэтажку, где была его комната, решили снести. Наш

герой об этом не знал, документы вовремя не подал, с управдомом проблемы, с участковым проблемы. Ну кто будет за него хлопотать? Не соседи же? Мало того, он уехал на все лето – денег решил подзаработать. Когда вернулся, его чемоданчик стоял за дверью, а комнатку соседи опять заняли. Квартплату наш герой не платил, вот и свершилось! Еще несколько месяцев он жил у знакомых, тех, с которыми шабашил, а когда вновь вернулся туда, где был законно прописан, обнаружил, что и самого дома уже нет – снесли, а на этом месте стройка. Кинулся искать, где, куда, и тут выяснилось, что про него просто-напросто забыли. Соседям квартиру дали, а ему нет. Так наш герой и стал бомжом. Но с московской пропиской.

– Короче.

– А куда торопиться? – усмехнулся Петров. – Все равно почти не едем.

– Скучно. А ты обещал развлечь.

– Хорошо. Сейчас развлеку. Не буду описывать его мытарства по инстанциям, скажу только, что в итоге он так и остался с паспортом, в котором стояла прописка в доме, которого уже нет. Жить же ему пришлось в той самой каморке, которая осталась пустовать после того, как жильцы вашего подъезда отказались от вахтера. Там тепло, и зимой перекантоваться можно.

– Ах вот оно что! – протянул Юрий Греков. – Значит, это тот самый бомж, который... Да, какое-то время он жил у нас в подъезде. Но вот уже несколько лет, как он куда-то исчез.

– Вот именно, исчез. Слушай дальше. Человек он был интеллигентный, и даже в мусорных контейнерах копался интеллигентно. С головой туда не нырял, аккуратно палочкой ворошил. А выбрасывают у нас много чего. Вещи гм-м-м... – кашлянул Петров, – самые неожиданные. Словом, как-то он перебивался. Бомжи уважали его и звали Доцентом. Сокращенно Дося.

– У него еще были смешные круглые очки в металлической оправе. В одном стекле треснуло. Хм-м-м...

– Знаешь, чем он зарабатывал на жизнь?

– Знаю, – кивнул Греков. – Бутылки собирал. Мы даже оставляли ему на этажах, у лифтов. Удобно: не надо выносить к контейнерам.

– А вот и нет! На бутылках много не заработаешь. Он ходил по электричкам.

– Милостыню просил? – нахмурился Греков.

– Вроде того. Некоторые, знаешь, поют, на гармошке играют. А Дося книгу читал. Можешь себе представить?

– Иди ты! – рассмеялся Греков. – Бывает же!

– В жизни бывает все. Некоторые продавцы книг заходили в вагон, открывали какое-нибудь издание и зачитывали вслух аннотацию. Сейчас-то всех лотошников разогнали, а вот несколько лет назад этот бизнес процветал.

– И что он читал?

– Главы из неопубликованного романа. И здорово читал – талант у него был. Гоняли его, конечно, и милиция, и конкуренты, но Дося держался, – продолжал Петров. – Кое-какие деньги собирал. Однажды сотрудник одного крупного издательства, который занимался как раз тем, что искал таланты, ехал в той самой электричке, где Дося читал неопубликованный роман.

– Скажи еще, что это его заинтересовало!

– Представь себе, да. Сюжет-то был захватывающий. И написано хорошо, с чувством. Знаешь, у Доцента был вкус. Работник издательства попросил рукопись.

– И получил ее от бомжа. Пахнущую отбросами.

– Ты напрасно иронизируешь, Юра, – серьезно сказал Петров. – Я ж тебе говорю: это одна из самых фантастических историй. А Дося – человек аккуратный. С рукописью он обращался бережно, хранил ее в отдельной коробке, которую и передал редактору.

– Книга была напечатана и стала бестселлером, – рассмеялся Греков.

– Ох ты, какой скорый! Нет, Юра. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Чтобы раскрутить кого-то, нужны большие деньги. Нет, книга числилась в средненьких, пока не попала на глаза продюсерам, которые искали увлекательный сюжет для фантастического фильма. Это, кстати, историческая фантастика. Битвы на мечах, волхвы, сказочные рыцари, прекрасные дамы. Вроде легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола, но по-русски. Сейчас это модно. По книге был снят фильм, который имел большой успех в прокате, и она сразу же стала бестселлером. Появилось продолжение. Теперь это уже целая серия романов, которые пользуются популярностью. Тиражи приличные, деньги тоже. Что касается Доси, то, насколько я знаю, он два года назад квартиру купил. В Подмоскowie, от вас через дорогу.

– Иди ты! А я думаю: куда это он пропал?

– «Доктор К^о» его псевдоним. А настоящая фамилия Кольцов. Иван Семенович Кольцов.

– Ты-то откуда все это знаешь? – удивился Юрий Греков.

– Нина рассказала.

– Нина?! А она-то откуда...

– Ну, они с Кольцовым были знакомы, – загадочно сказал Володя.

– Нина общалась с каким-то бомжом?!

– Теперь он не бомж, – напомнил Петров. – Лицо известное. Его биографию знает каждый, кто увлекается фантастикой.

– Может, моя жена была в числе его поклонниц?

– Может, и была, – загадочно сказал Петров. – Ну что, я тебя развлек?

– Знаешь, не очень. Что мне до какого-то Доси?

– Между тем его судьба тесно переплетается с твоей.

– Хочешь сказать, что он мой родственник?

– Нет, – невольно улыбнулся Володя Петров.

– Что, родственник Нины?

– Хватит гадать! Вот скажи: ты хорошо знал свою жену?

– Ну разумеется, – сжал губы в ниточку Юрий Греков.

– Какое у нее образование, знаешь?

– Конечно! Высшее.

– А конкретно?

– Вроде как... Погоди... Историко-архивный институт. Ну да! Я еще дразнил ее архивной крысой! В шутку, конечно.

– Ну да. В шутку. Нина всерьез увлекалась историей. Она любила читать исторические романы, монографии.

– Да уж! – не удержался Греков. – Все свободное время с книжкой! И этого... Как ты говоришь? Доктора К^о? Да полно его у нас дома! Точно! И почему ты на меня так смотришь? Ну, конечно, я хорошо знал свою жену!

– Однако я знаю, что последнее время вы почти не общались. Ты уходил рано, приходил поздно. В выходные у тебя – то рыбалка, то неотложные дела. Да еще подрабатывал консультантом в частном детективном агентстве.

– Что, это запрещается? – насторожился Греков.

– Нет. Деньги всем нужны. А ты дом строишь.

– Я никак не пойму: ты меня осуждаешь?

– Нет, с чего ты взял?

– Когда я купил новую машину, ты вроде как начал меня в чем-то подозревать.

– Вообще-то, сумма большая, – нехотя сказал Володя Петров. – Ты ведь взял новую, из салона. И не в кредит. Я за тобой не слежу, но за ценами... Тоже хочу новую машину, моя-то «пятерка» на ладан дышит. Думал подкопить, но пока не получается. А ты вот купил. Учитывая, что ты и дом строишь, двухэтажный...

- А жена не работает. Ну договаривай!
- Да ты и сам все понимаешь.
- Понимаю... Мама дорогая! Как же выпить хочется!

И Юрий Греков с тоской посмотрел на автобус, который переместился в крайний ряд и спрятался за грузовой машиной. Теперь это не пройдет: остановить и попросить у них бутылку коньяка. А там есть хороший коньяк. Дорогой. Выпить бы...

В салоне пахло бензином, хотя окна были открыты. У Грекова вдруг начала болеть голова. Сильно. Он молил только об одном: ехать, не стоять. Ехать!

Ехали. А точнее, ползли. Машины все плотнее притирались друг к другу. Кто-то пытался втиснуться в их ряд, кто-то перестроиться в другой, считая, что там едут быстрее.

– Мать его... – выругался Петров и сердито нажал на клаксон. Раздался длинный гудок, потом еще один, еще... – Ну кто так ездит? Вот м...

– Кто? На «Мерседесе»?

– И этот тоже.

– Да-а... Попали...

Петров вклинился наконец между «Мерседесом» и «Тойотой», и их машина почти встала. Юрий Греков с тоской смотрел вперед, на стальной поток, по которому все реже и реже пробегала рябь волны. Похоже, что где-то он уперся в плотину и замер совсем. Запруда.

– Ты думаешь, у меня мало проблем? – сердито спросил Греков.

– А кому сейчас легко?

– Вот именно. Я тоже думал: как свести концы с концами? Потому и работал как проклятый даже в выходные и консультантом устроился в агентство. Там, между прочим, неплохо платили, если дело стоящее и клиент богатый.

– Ну-ну. Расскажи о своих проблемах.

– И расскажу! Если хочешь знать, у меня долги!

– Долги? – удивился Володя Петров. – Вот не знал! И кому ты должен?

– Кредит взял.

– Значит, я ошибся, и машина куплена в кредит? – уточнил Володя Петров.

Греков нахмурился. Информацию легко проверить. Лучше сказать правду.

– Нет, – сердито сказал он. – Я взял частным порядком. Не через банк, а у одного из своих знакомых.

– И где взять таких знакомых? – сделал еле уловимое движение бровями Петров. – У которых можно одолжить несколько тысяч долларов?

– В нашем поселке живут люди не бедные.

– А большие проценты они берут? Нет, мне интересно. Я бы тоже занял.

– Тебе бы не дали.

– Почему?

– Это только по дружбе.

– Без процентов, значит? А может, вообще отдавать не надо?

– Надо. И проценты приличные.

– А не госпожа ли Одинцова тебе одолжила денег?

Греков так и знал: Петров – профессионал. Все, что он говорит, неспроста. Вон куда клонил! Теперь понятно!

– Одинцова? С чего ты взял, что Одинцова? – пробормотал Юрий.

– Не случайно же она за нами едет. Может, хочет долг потребовать?

Греков покосился вправо: едет? Едет!

«Ненавижу!» – подумал он и поймал взгляд Петрова. Тот ждал. А чего, собственно?

– Что ты так на меня смотришь?

– Ничего. Пробка.

- Где пробка? Едем же!
- Скоро встанем.
- Чтoб их всех... – И Греков выругался.
- Так как насчет денег? – тихо спросил Володя Петров.
- Я же тебе сказал: я занял.
- Эх, Юра, Юра! Занял, значит. Мог бы и у жены попросить. Она бы тебе не отказала.

И процентов не взяла бы.

- Ты, должно быть, шутишь?
- Отчего же? Нина любила давать деньги в долг. Считала, что таким образом помогает людям.

– Нина любила да... Ха-ха-ха! – Греков не выдержал и рассмеялся. – Нина любила да... ха-ха! В долг! Ха-ха!

- А что тебя так рассмешило? – спокойно спросил Володя.
- Да у нее не было ни копейки! То есть деньги, конечно, были, но это были мои деньги.

Мои, ты понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Петров. – Между тем я точно знаю, что она дала займы заведующей библиотекой Антонине Дмитриевне десять тысяч долларов.

- Десять ты... – Греков словно поперхнулся.

– Именно, – кивнул Володя. – На квартиру старшему сыну. Они долго собирали, но не хватало. А потом цены резко пошли вверх. Нина сказала: покупайте, пока не поздно, потом будет дороже, я добавлю. И дала десять тысяч. Без процентов. Насколько я в курсе, денег они так и не отдали, хотя обещали выплачивать частями, каждые полгода. Но за два года – ни копейки! А Нина, разумеется, не требовала. Она этого не умела.

- Десять ты... Врешь!

И Греков закашлялся.

- А ты успокойся, Юра. Водички выпей. Сзади тебя, на сиденье, бутылка.

Греков обернулся и потянулся за водой. В горле стоял ком. Десять тысяч долларов! Да столько его машина стоит! А строительство дома? Сколько можно сделать на десять тысяч долларов! Греков был скуповат, прижимист. То есть на дом, на машину, на себя любимого он денег не жалел. Но на чем можно, старался сэкономить. Нина бегала по оптовым рынкам, по распродажам, дорогих продуктов не покупала, одевалась скромно.

Десять тысяч долларов! Дала в долг! Без процентов! И кому?! Заведующей библиотекой, которая ее за человека не считала, все время унижала и не отпускала с работы, когда была надобность! Да сколько Нина из-за нее страдала! Сколько слез пролила, когда работала в читальном зале! Сама же рассказывала!

- Нет, не верю, – покачал головой Юрий Греков. – Это неправда. Денег у Нины не было.
- А ты позвони Антонине Дмитриевне. И спроси.
- Позвонить куда?
- На мобильный. Она же там, в автобусе.

Автобус Греков видел. И лица в окнах. Зрение у него было орлиное. Стрелок ведь. Не то что эти... архивные крысы!

Неужели могли взять в долг у Нины без его ведома? Он даже задохнулся от злости.

- Я не знаю номер телефона, – резко сказал Юрий.
- А я тебе подскажу.

И Володя достал из кармана записную книжку. Машина ползла еле-еле, да и то рывками: полметра – пауза, еще полметра – еще пауза. Нога Петрова напряженно застыла на педали тормоза: придавить – отпустить. Езда в пробках – это особая наука. Тот не москвич, кто не знает ее в совершенстве. Это касается как водителей, так и пассажиров.

Греков чувствовал, как растет напряжение в салоне. Нет, этого просто не может быть! У его Пробки были такие деньги! Немыслимо! Разумеется, Петров врет! Блефует!

– Давай номер заведующей, – хрипло сказал Юрий. Потом спохватился и посмотрел на Петрова подозрительно: – Ты-то откуда знаешь?

– Про деньги?

– Номер телефона заведующей библиотекой! Причем мобильного!

– От Нины.

– И про деньги тоже от Нины?

– Конечно. Незадолго до смерти она мне об этом сказала.

– А с какой стати моя жена с тобой откровенничала? – со злостью спросил Юрий Греков.

– Ну ты же ею не интересовался.

– А ты, выходит, интересовался!

– Послушай, если ты ревнуешь...

– Что-о?! Да она была влюблена в меня, как кошка! Она жить без меня не могла! Она ж передо мной стелилась, как...

– А денег не дала, – напомнил Петров. – Ты даже не знал, сколько их у нее.

– Да потому что не было у нее никаких денег!

– Звони.

– Диктуй номер.

И Юрий Греков со злостью стал давить на кнопки аппарата мобильной связи под диктовку Петрова.

Автобус

– Ой, девочки-и... – протянула Киска, привстав с сиденья и глянув в лобовое стекло. – Что делается-а-а! Похоже, пробка! А-ах!

Она потянулась и зевнула совсем по-кошачьи, показав розовый язычок. Манеры у девушки были вкрадчивые, глаза раскосые, да и фамилия подходящая: Кошкина. Потому подруги и звали ее ласково Киской.

– А, ничего! – махнула рукой Татьяна. – Выпивка у нас есть, закуска тоже. Продержимся.

– Что ж мы на поминки, пьяные, что ли, приедем? – осуждающе сказала Галя.

– Когда мы еще приедем-то! Здесь и помянем.

– В автобусе?

– А чем не место? Уж лучше, чем сидеть за одним столом с этим... – И Татьяна невольно поморщилась.

– Ты че! – сказала Киска. – Греков – классный мужик!

– Ты на рожу-то не смотри, – усмехнулась Антонина Дмитриевна, которая уже успела основательно накушаться грековского коньячку. – Рожа-то у Юрки смазливая, а вот нутро гнилое. И женился он на Нинке по расчету. И, между прочим, я ей говорила.

– И я, – поддакнула Татьяна. – Предупреждала, что ему квартира нужна и прачка-кухарка-уборщица в доме. Прислуга, одним словом.

– Это ты потому так говоришь, что Греков на тебя внимания не обращал! – фыркнула Киска. – А ты ему глазки строила!

– На тебя, что ли, обращал? – взвилась Татьяна.

– Представь себе!

– Да Греков бабник! – поддержала Киску Милочка. – Это сразу видно. Взять эту, на красной машине. Ну, чего она на кладбище приехала?

– Если у Грекова и была любовница, то не такая шикарная, – не согласилась с ней Киска.

– Много ты про него знаешь! Кто ж она тогда? Не Нинина же подруга! У нее таких подруг не было! – сказала Милочка.

– А ты откуда знаешь? – усмехнулась Татьяна.

– Да кто она такая? Домохозяйка!

– Да уж, – оскалилась Татьяна. – Только у этой домохозяйки...

– Таня! – моментально одернула ее Антонина Дмитриевна.

– А что такое? Кому теперь все это достанется?

– Уж не тебе! Не волнуйся так!

– И не тебе! Хотя ты свой кусок уже урвала.

– Танька!

– Тоня!

– Да хватит вам ссориться! – не выдержала Галя.

– Давайте еще по коньячку, – поддержала ее Киска.

Таисия Максимовна и Инна с испуганным видом следили за перепалкой. Первая предпочитала никогда ни во что не вмешиваться, а вторая была новенькой. И через три года все равно – новенькой. Есть такой тип людей.

– И в самом деле, – поспешно сказала Антонина Дмитриевна. – Давай-ка, Таня, лучше выпьем. Помянем нашу Нину.

И потянулась за бутылкой коньяка.

– Чует кошка, чье мясо съела, – сквозь зубы сказала Татьяна, но тем не менее подставила свой стаканчик. – Таисия Максимовна? Инна?

– Ни-ни, – синхронно затрясли головами обе. – Мы не будем!

– Хватит ломаться-то, – буркнула Татьяна.

– Погодите-ка... – насторожила вдруг острые ушки Киска. – У кого-то мобильник звонит!

– Ой, мне свекровь должна позвонить! – спохватилась Галя. – Я ж на нее ребенка оставила!

Остальные тоже схватились за сумочки, кроме Таисии Максимовны, у которой телефона не было вовсе, и Инны, которая ни от кого не ждала звонка.

– Ба! Да это ж мой! – спохватилась Антонина Дмитриевна и выхватила из сумочки мобильный телефон. – Небось Пашка. – Потом посмотрела на дисплей и удивленно сказала: – Гляди-ка! Номер-то незнакомый! Кто бы это мог быть? Але?

– Это Греков, – раздалось в телефонной трубке, и Антонина Дмитриевна невольно поджалась. – Вы меня слышите, Антонина Дмитриевна?

– Да, Юра. Слышу.

– Тут рядом со мной сидит Владимир Петров. Как выяснилось, близкий друг моей покойной жены. Оказывается, Нина одолжила вам денег... – В голосе Грекова послышалась злость.

Сидевшая рядом с заведующей Татьяна удивленно округлила рот, а потом на ее веснушчатом лице появилось выражение торжества: ага! Попалась! Татьяна сделала еле заметное движение туловищем по направлению к подруге и насторожила уши. Антонина Дмитриевна, напротив, попыталась отодвинуться.

– Так это правда? – спросил Греков.

– Видишь ли, Юра, – залопотала Антонина Дмитриевна. – Я...

– Вы мне скажите: брали?

– Юра, я...

– Петров знает все, – предупредил Греков. – И, между прочим, он сотрудник милиции. А я – старший следователь прокуратуры. На нашей стороне закон. Бессмысленно отпираться.

– Да. Брала.

– Десять тысяч?

– Да.

– Долларов? – уточнил Греков.

– Да.

В трубке теперь было напряженное молчание.

– Юра, я все отдам, – заторопилась Антонина Дмитриевна. – Мы с Ниночкой договорились: частями. Каждые полгода по две тысячи.

– Почему ж вы до сих пор не вернули ни копейки?!

– Юра, у меня обстоятельства... – залепетала Антонина Дмитриевна.

– А почему я об этом не знаю?!

– Видишь ли, Юрочка...

– Да попробуйте вы мне не вернуть эти деньги!

– Это были не твои деньги, – ляпнула вдруг заведующая. – Нинины.

– Что?! Да я же ее законный муж! Все мое!

– Попробуй теперь докажи свои права.

– Какие еще права?! Вот что, я не собираюсь выяснять с вами отношения по телефону.

Но как только мы приедем...

– Хорошо, Юрочка, хорошо. Договоримся.

– Я думаю.

И Греков дал отбой. Выражение лица у Антонины Дмитриевны теперь было испуганное.

– Ну что? Греков все узнал? – с торжеством спросила Татьяна.

– Не понимаю... Откуда? Откуда этот Петров мог узнать про деньги? Ведь никакой расписки... Под честное слово, – растерянно сказала Антонина Дмитриевна. Потом с надеждой посмотрела на Татьяну: – А может, не отдавать?

– Хочешь с Грековым связаться? – усмехнулась та. – Да он же куркуль! За свое глотку перегрызет! А тут десять тысяч!

– Погодите, девочки, вы о чем? – вмешалась в разговор Галя. – Десять тысяч чего?

– Долларов! – с торжеством сказала Татьяна. – Наша уважаемая Антонина Дмитриевна два года назад одолжила у Ниночки десять тысяч долларов. На квартиру старшему сыну не хватало. А отдавать и не собиралась.

– Врешь! – взвилась заведующая. – Это ты, Танька, так говоришь, потому что сама хотела поиметь с Нины деньги!

– Она была моя лучшая подруга! Моя! Понимаешь? А ты влезла!

– Ты так говоришь, будто это были твои деньги!

– Да! Мои! У меня, между прочим, Ольга в институт летом поступает! А на бесплатное – туда, куда я хочу, – не пробиться!

– Да потому что твоя Ольга – тупая, как и ты!

– А твой Пашка не тупой! Опять небось дополнительные занятия прогулял? Что, не позвонил? Небось еще у Нинки занять хотела, чтобы его в институт пристроить, от армии отмазать? Тех денег не отдала, а тебе еще надо! А как там твой старшенький поживает? Небось снова без работы? Как же, отдаст он Грекову долг! Да с чего? У кого теперь побежишь, заниматься?

– А твоя Ольга – проститутка! Моя приятельница работает завучем в той школе, где она учится! Я тебе сейчас такое про нее порасскажу!

– Замолчи!!!

– Сама замолчи!

– Это твои тупые! А старший – вообще наркоман!

– Ах ты...

Разгоряченные коньяком женщины кричали и были готовы вцепиться друг другу в волосы. Милочка и Киска принялись их разнимать.

– Антонина Дмитриевна! Татьяна! Успокойтесь! – кричала Галя.

Обе противницы тяжело дышали. Лица у них были красные, потные. Потом заведующая схватила до половины наполненный янтарной жидкостью стаканчик и выпила коньяк одним махом. Вытерла рот рукавом траурного платья и всхлипнула:

– О господи! Что ж теперь будет-то?

– Погодите, – сообразила вдруг Галя. – Вы сказали, что Нина одолжила вам десять тысяч долларов. Но откуда у нее такие деньги?

– Я не знаю, – всхлипнула Антонина Дмитриевна. – Нина не говорила. Сказала только, что деньги есть, муж про них не знает. Просила держать в секрете. И не к спеху, мол. Когда отдашь, тогда и отдашь. Так что зря ты на меня так, Татьяна. Я не последнее у нее взяла.

– Я тоже не знала, откуда у нее деньги, – покачала головой Татьяна. – Знала только, что Нина от мужа скрывает, что богачка. Что у нее и цапки имеются, с бриллиантами.

– С бриллиантами?! – ахнула Киска.

– Я видела у нее на пальце та-а-кое кольцо! – призналась Татьяна. – Подумала: бижутерия, попросила померить. Тут Нинка покраснела и кинулась кольцо снимать. Я говорю: дай поносить. А она: нельзя, мол. Дорогое. Не одну тысячу долларов стоит. Не жалко, но носить по будням, да еще в общественном транспорте его не стоит. Намекала на то, что я в час пик в автобусе толкаюсь, да возвращаюсь домой по темноте. И я поняла, что никакая это не бижутерия. Бриллианты в кольце настоящие. Не крупные, но много. Это кольцо у меня до сих пор перед глазами стоит, – сказала она.

– Банк, что ли, ограбила? – округлила ротик, похожий на спелую вишенку, Милочка. – Подумать только, Нина – шпионка! Никита!

– Не брешь, – одернула ее Галя. – Я знаю Нину не один год. Это тихая, скромная женщина. Никакая не шпионка.

– Но десять тысяч долларов! – не унималась Милочка.

– Бриллианты! – вторила ей Киска. И глаза у нее заблестели. Девчушка была до украшений жадная. Как сорока-воровка, любила все блестящее.

– Неужели никто не знает, откуда у нее деньги? – спросила безмолвная Инна.

– Я знаю, – сказала вдруг Таисия Максимовна.

– Вы-ы?!!

И все, кто сидел в автобусе, уставились на пожилую женщину, у которой от волнения очки сползли на кончик носа.

– Нина просила никому не говорить. Она у меня консультировалась...

– По поводу? – спросила Милочка. – Таисия Максимовна, вы что, тоже шпионка?!

– Ого-го! – заверещала Киска. – Как интересно!

– Нет, девочки, – вздохнула пенсионерка. – Все было гораздо проще. Я думаю, раз Нины больше нет и вопрос денег все равно всплыл, то можно открыть ее тайну.

Пожилая женщина поправила очки еще раз и тяжело вздохнула.

Красный «Ягуар»

Машина ехала все медленнее и медленнее. Алина уже подумывала, что все это затеяла напрасно. Погоня превращалась в фарс. Надо было бы развернуться и ехать в противоположную сторону. Потом свернуть на Пятницкое шоссе и пулей лететь вперед. Домой, к теплому очагу, который так приятно растопить в сырую погоду. Когда на улице слякоть и нудный, морозящий дождь, нет ничего приятнее, чем сидеть с бокалом вина у камина и смотреть на огонь. А не гоняться за призраком, ища себе оправдание.

Впрочем... Дождь прекратился, и из-за туч вдруг выглянуло солнце. Только настроение от этого не улучшилось. Алина уже жалела о том, что сделала. Теперь она думала о Нине.

Надо узнать, чем все это закончится. Надо быть настороже. От Юрия Грекова можно ожидать всего. Человек он неглупый и достаточно проницательный. Вот уже несколько месяцев они ведут эту увлекательную и захватывающую игру. Сегодня должно все решиться.

Алина покосилась влево, на «Жигули». Стекло ее машины наполовину опущено, это как раз для того, чтобы видеть его лицо. В каком он состоянии? Только что звонил по мобильному телефону и после этого занервничал, расстегнул ворот рубашки, ослабил узел галстука. Что случилось? Кому он звонил? Остается только догадываться.

За рулем сидит Петров, старший оперуполномоченный. Куртку так и не снял, напротив, «молния» застегнута доверху. И человек такой же, весь в себе: пойдй пойми, что у него на душе? Даже умница Алина теряется. Это он приехал с опергруппой, когда застрелился Миша. Еще тогда она поняла, что Петров – человек дотошный. Впечатление о нем сложилось неприятное. Зачем же он поехал на похороны? Друга поддержать? Или это какая-то игра, смысла которой она пока не понимает? В свои планы оперуполномоченный ее, разумеется, не посвящал. Петров ничего не делает просто так, без задней мысли. Сегодня что-то случится. Если бы только Греков знал, что произошло за последние два дня, пока он готовился к похоронам! Знал правду о своей жене! О! Это будет для него открытие!

Алина вновь покосилась влево и усмехнулась. Ну что, Юра? Жарко? А будет еще жарче! Ба! Да ты весь вспотел! Еще бы! В твоей машине нет кондиционера! Это госпожа Одинцова наслаждается райской прохладой даже тогда, когда из-за туч выглянуло солнце и его лучи ударили прямо в глаза.

Сюда смотреть!!! Говорить правду!!!

Помнишь, Юра, как все было каких-нибудь полгода назад?

Она вспомнила их первую встречу со следователем Грековым, первый контакт, если быть точнее. Алина Одинцова только что пережила трагедию: она стала вдовой. Грекова Алина встречала в поселке и раньше и не могла не обратить внимания на интересного мужчину: правильные черты лица, широкие плечи, стрижка простая, но ему идет. Всегда подтянут, уверен в себе, походка пружинистая, как у человека, который не пренебрегает тренировками в свободное от работы время. Рядом с ним в машине иногда сидела невзрачная женщина в очках, похожая на мышку. Носик острый, волосы гладко зачесаны, на лице никакой косметики. Тогда Алина еще не знала, что эти люди не только войдут в ее жизнь, но и станут в ней главными.

Вот уже несколько месяцев она думает только о них. О нем. О Нине...

...Это случилось на следующий день после того, как тело мужа увезли в морг. Застрелился он около полуночи, глубокой ночью же приехала милиция. Последующий день прошел в хлопотах: сначала вдова объяснялась с представителями закона, потом начала готовиться к похоронам, обзванивать родственников, знакомых. Госпожа Одинцова любила и умела организовывать приемы. Приемы? Похороны тоже относятся к разряду мероприятий, которые следует тщательно готовить и продумывать все до мельчайших деталей, начиная с меню и заканчивая глубиной выреза на траурном платье. Ни в коем случае не скупиться. Состояние покойный

оставил значительное, причем, все – вдове. Сплетничать все равно будут, но в жадности им ее обвинить не удастся.

В шесть часов вечера, усталая от дневных забот, Алина сидела в гостиной на диване и думала о том, что сегодня предстоит еще немало хлопот. Она только-только закончила переговоры с цветочниками. Сколько надо живых цветов, какие именно, как декорировать помещение, где будет происходить прощание с покойным, и, самое главное: какова будет цена? Наконец, стороны пришли к соглашению. Она сделала пометку в блокноте и хотела было связаться с похоронным бюро, узнать, что там с гробом, когда в дверь позвонили.

Алина посмотрела на часы: кто бы это мог быть? Сегодня она ждала только поставщиков и еще дизайнера по интерьеру. Цветы цветами, но надо продумать и остальные декорации. Цвет и фактуру ткани, которой прикроют мебель, где именно будет стоять портрет, а где гроб с телом, как разместятся приглашенные и так далее. Народу будет немного, но все – люди значительные. Они будут не только смотреть, но и оценивать. Со многими ей еще работать. Нет, скупиться нельзя.

«Должно быть, это дизайнер», – подумала она и поднялась с дивана. Потом «сделала» лицо и пошла открывать дверь – сама, потому что отпустила прислугу, дабы наедине предаться скорби. Она не хотела, чтобы в этот момент ее кто-нибудь увидел. Последние два дня Алина остро нуждалась в одиночестве.

К огромному ее удивлению, на крыльце стоял мужчина, которого она до сей поры видела мельком, но чье лицо запомнила. И хотя его сюда не звали, мужчина смотрел на хозяйку так, словно и не сомневался в том, что в дом его впустят. Этот взгляд она не забудет никогда!

– Простите? – обозначила легкое удивление госпожа Одинцова.

– Одинцова Алина Сергеевна?

– Да.

– Греков Юрий Павлович. Старший следователь прокуратуры. Можно войти?

– А на каком основании вы хотите войти в мой дом, старший следователь прокуратуры Юрий Греков?

– Юрий Павлович.

– Допустим.

– Нам надо поговорить.

И он, решительно отодвинув с дороги хозяйку, ступил через порог. Госпожа Одинцова оторопела от такой наглости и подумала, что напрасно отпустила вместе с прислугой и охрану. Но нетрудно все вернуть. Один звонок, и...

– Не стоит, – словно прочитав ее мысли, сказал Юрий Греков.

Дверь в гостиную была открыта, и он без колебаний направился туда. Алина Одинцова следом. Она была женщиной неглупой и понимала, что без веских оснований человек себя так вести не будет. Он знает, куда и зачем пришел. Это право сильного: диктовать свои условия.

Людей Алина чувствовала прекрасно, и сейчас прислушивалась к себе, к своему внутреннему голосу. Что она чувствует по отношению к Юрию Грекову? К его визиту? Недоумение? Пожалуй. Уважение к его решительности? Возможно. Но главное: опасность. От него исходит опасность.

Греков между тем прошел в гостиную и остановился перед портретом Михаила Одинцова. Пока вдову не проконсультировал дизайнер, портрет покойного с традиционной траурной лентой стоял в центре гостиной.

– Готовитесь, значит, – усмехнулся Греков.

– Простите?

– К похоронам любимого мужа, говорю, готовитесь. – Слово «любимого» он сказал с откровенной иронией. – А не боитесь в таком богатом доме одна?

– Я не открываю дверь кому попало, – сухо сказала вдова.

– Мне вот окрыли.

– Во-первых, у ворот коттеджного поселка охрана. Посторонних сюда не пускают. Вторых, вызвать мою личную охрану очень просто. Только нажать на кнопку.

– А не поздно они приедут?

– Да что вы, собственно, хотите? – начала злиться Алина.

– Поговорить. И свидетели нам ни к чему. Я, кстати, знаю, что вы отпустили прислугу и личную охрану.

Юрий Греков швырнул теплую кожаную куртку в кресло, потом развалился на диване и сказал:

– Я бы чего-нибудь выпил.

– Я вас на угощение не звала.

– Ну-ну, Алина Сергеевна! Вы же умная женщина! Я в этом убедился, – загадочно сказал гость. – Поэтому принесите нам обоим выпить, сядьте в кресло напротив, расслабьтесь и послушайте меня.

– Хорошо, – кивнула она.

Алина Одинцова прошла на кухню и сделала коктейль себе и виски со льдом Грекову. Почему-то она подумала, что этот мужчина предпочитает крепкие спиртные напитки.

Так и есть: взяв из ее рук стакан с виски, он с удовлетворением кивнул:

– Отлично!

Алина присела на краешек кресла, стараясь держать спину прямо, и отпила из бокала «Маргариту»:

– Ну?

– Итак, все прошло успешно?

– То есть?

– Опера состряпали отказ в возбуждении уголовного дела?

– Какого уголовного дела? – вскинулась Алина.

– По факту смерти вашего мужа?

– Мой муж застрелился, – отчеканила она. – Это самоубийство.

– А почему он не оставил предсмертной записки?

– Что, все оставляют? Разве мало он об этом говорил?

– Кому говорил? Вам?

– И мне.

– А почему он это говорил?

– Видите ли, у него была депрессия.

– А по поводу чего депрессия?

– Я не понимаю: это что, допрос?

– Нет. На допрос я бы вызвал вас в прокуратуру, – с усмешкой сказал Греков.

– Тогда на каком основании вы задаете мне эти вопросы?

– На том основании, что для того, чтобы покончить с собой, – нужен повод. И повод веский. Ваш муж был человеком богатым, на здоровье не жаловался...

– Вот тут вы ошибаетесь. Он не мог иметь детей. Это и было причиной депрессии.

– Он обращался к врачам?

– Да.

Обращался ли муж к врачам! Да он столько денег на них потратил! И как это ее бесило!

– А вы? Обследовались?

– Вы что, смеетесь?

И Алина невольно расправила плечи. Кто бы сомневался, что женщина, находящаяся в такой блестящей физической форме, не может иметь детей? Она же сияет здоровьем! И гляньте-ка на портрет Одинцова: худой, плечи узкие, углы рта опущены. Типичный очкарик.

– А может, ваш муж болел? – усмехнулся Греков. – Настолько серьезно, что это стало причиной бесплодия?

– Я его медицинскую карту не изучала! – отрезала Алина. – Может, и болел. В детстве.

– Значит, он был в депрессии. А как насчет...

– Послушайте, я отказываюсь отвечать на ваши вопросы, – оборвала непрошеного гостя хозяйка дома. – Милиция здесь уже была.

– Я знаю, – спокойно сказал Юрий Греков. – Это дело ведет мой лучший друг Володя Петров. Кстати, это от него я получил исчерпывающую информацию: о том, что случилось, как вы себя вели и что именно сказали. Не понимаю, как вам удалось обвести его вокруг пальца? Чем вы его купили? Я знаю, что Петров взятка не берет. Так почему он вам все-таки поверил?

– Потому что я говорю правду, и мой муж действительно был больным человеком. Мы и познакомились при соответствующих обстоятельствах. Это было девять лет назад. Я тогда работала психологом, и у меня это неплохо получалось.

– Ну-ка, ну-ка, – подался вперед Греков. – И что же так беспокоило Михаила Одинцова?

– Это врачебная тайна.

– Значит, вы вышли замуж за своего пациента?

– Это не возбраняется. Впрочем, вскоре после замужества я бросила работу.

– И стали лечить его одного. Так?

– Михаил больше не нуждался в лечении, – сухо сказала вдова.

– А как же тогда ваши слова насчет депрессии и склонности к суициду? И вообще, консультировали его в качестве психолога, а медицинскую карту не посмотрели. Разве психолог не должен интересоваться другими заболеваниями пациента? Похоже, вы что-то скрываете, Алина Сергеевна.

– Я просто не хочу распространяться о его болезнях... Ну хорошо, я расскажу, потому что мне кажется, что вы меня в чем-то подозреваете. А поскольку вы следовательно...

– Вот именно. Мне ничего не стоит настоять на том, что все-таки стоит возбудить уголовное дело и провести повторную экспертизу: насколько расположение входного отверстия пули соответствует вашей версии о самоубийстве. Я думаю, есть и еще кое-что.

– Что вы имеете в виду? – побледнела Алина.

– Вы мне сначала поведайте, как все было, и с чего это вдруг преуспевающий бизнесмен Михаил Одинцов решил застрелиться? А я послушаю.

– Хорошо, – кивнула вдова и сделала большой глоток любимой «Маргариты». – Я расскажу все с самого начала...

Первые полчаса в пробке

«Жигули»

Греков все еще не мог прийти в себя. Значит, это правда! Его Пробка дала займы такие огромные деньги и даже не потребовала расписки! Размазня! Кретинка! И как теперь это доказать? Нет, ты подумай! Она ведь знала, что муж нуждается в средствах! Что строит дом! Мечтает о новой машине! Деньги нужны были ему, а она отдала их какой-то...

Юрий захлебнулся от возмущения. Просто нет слов! Ай да Нинка! А кстати, откуда у нее такие деньги?

Он покосился на Петрова. Володька все знает. И про Одинцову тоже? Нет, не может быть!

– Ну все. Встали окончательно, – вздохнул Володя Петров. – И что там могло случиться?

Они находились в центре стального потока. И справа, и слева в несколько рядов стояли машины, нестерпимо пахло выхлопными газами. Юрий Греков поморщился и поднял стекло. В салоне «Жигулей» вмиг стало душно. В довершение всего дождь прекратился, и из-за туч выглянуло солнышко. Машина моментально стала нагреваться. Греков почувствовал, что ему плохо, и так рванул ворот рубашки, что отлетела верхняя пуговица.

– Пить... – прохрипел он.

– Бутылка у тебя в руке, – удивленно сказал Володя.

– Ах да...

Деньги – вот что его мучило. Он любил деньги. Спрашивается, а кто ж их не любит? «Денег никогда не бывает много», «Не учите меня жить, лучше помогите материально», «Не в деньгах счастье, а в их количестве» – фразы, которые люди повторяют изо дня в день. Юрий Греков их не употреблял. Он вообще боялся говорить о деньгах, так как считал, что это их отпугивает. Он любил деньги тайно и страстно, пересчитывал их с какой-то мучительной, патологической жадностью и думал, что об этом никто не знает.

Володя ударил в больное. Кстати, а зачем он это сделал? Пока еще Греков не мог собраться с мыслями и проанализировать ситуацию. Он обладал завидной выдержкой, о его многочасовых допросах ходили легенды, Юрий Греков был практически непробиваем, но деньги... Деньги! Которые уплыли в буквальном смысле слова из его кармана! Этого он вынести не мог!

Нина всегда была транжирой, в его понимании. Потому он давал ей деньги только под отчет. Потратила – будь добра, напиши: сколько, куда и когда. По выходным Греков сам ездил на рынок и покупал самые дешевые продукты, на столе же появлялось совсем другое.

Теперь он напряг память. Ну, конечно! Они ведь хорошо питались! Раньше Юрий считал, что сочный, мягкий шашлык из перемороженного мяса – это особый рецепт рукодельницы-жены. Теперь до него наконец дошло!

Интересно, а что Нина делала с тем, что приносил домой он? Неужели выбрасывала? От этой мысли ему стало тошно.

А одежда? На ее неброских вещах ведь были этикетки известных фирм! А он, дурак, думал, что это подделка! Сколько же все это могло стоить?!

Греков делал в уме подсчеты, пока не сообразил, что Володя Петров внимательно за ним наблюдает. Он спохватился и жадно хлебнул воды из бутылки. Вода была противная, теплая.

– Ну как? Отошло? – участливо спросил лучший друг.

– Что ты имеешь в виду?

– Пережил известие?

– Мне... Мне все равно, – с трудом выдавил Греков.

– Э... брось, – покачал головой Петров. – Уж я-то, знаю, что нет. Ты вот думаешь, почему она тебе не сказала, что у нее есть деньги, и деньги немалые.

– Десять тысяч долларов! – с ненавистью сказал Греков. – Пусть попробует мне их не отдать! Антонина... как там ее? – И он выругался.

– Я вижу, ты не успокоился. Тебя по-прежнему интересует не жена. Правильно говорят: любовь зла. Вот за что она тебя любила?

– Любила?! Это ты называешь – любила?! Родному мужу не дать, а какой-то...

– Дурак ты, Юра, – спокойно сказал Петров. – Ох и дурак! Ну, узнал бы ты правду. Да ты бы с нее живой не слез! Вытряс бы все, и каждый раз говорил: мало, мало, мало... Десять мало, двадцать мало...

– А что, у нее было двадцать? – жадно спросил Греков.

– Было.

– Вот с... – Но спохватился: – Извини. Сорвался.

– Нина знала, что так будет, потому и не сказала.

– Может, она и тебе займы давала? – рассердился Юрий на Петрова.

– Нет. Я бы у нее не взял.

– А кто брал?

– Ты хочешь поименно список всех должников?

– Да! Хочу! Танька небось брала! – с ненавистью сказал он.

– Я не назову тебе остальных, – спокойно ответил Петров.

– Это еще почему?

– Суммы были незначительные. А люди, которым Нина давала в долг, небогатые. И это хорошие люди. Плохим Нина не помогала.

– Что значит – незначительные? С миру по нитке...

– А разве ты нищий? Опомнись! Чего тебе не хватает?

– Да что ты про меня знаешь! – разозлился вдруг Греков. – Я в Москву приехал оборванцем, без гроша за душой! И все сам! Своими руками! Копеечку к копейке!

– Ты бы матери с отцом денег послал, – тихо сказал Петров. – Небось ни разу не вспомнил.

– Постой-ка... – спохватился Юрий. – Мать в письмах все «спасибо» да «спасибо» – за внимание, за заботу. Я никак не мог понять: о чем это она? И снохе поклоны бьет. Выходит, Нина... посылала им деньги?!

– Да.

– А теща? – с ненавистью сказал он. – Небось тоже поживилась. Выходит, все знали, а я...

– Эх, Юра, Юра! Как тебя задело! Аж в лице изменился! Ты даже не хочешь знать, откуда у Нины такие деньги?

– Да, кстати, откуда? – спохватился Греков. – Может, она в лотерею выиграла? Так я буду знать, какие билетки покупать. Авось и мне повезет.

– Так я и знал! Тебя по-прежнему интересует не Нина, а источник ее доходов. Можешь ли ты черпать из него? Я тебе сразу скажу: не можешь.

– Это еще почему?

– Потому что для этого нужен талант. А твоя Нина была очень талантливым человеком.

– Кто? Моя Пробка? Да не смейся! – отмахнулся он. – Талантов там было ноль, разве что готовила хорошо.

– Мне продолжать?

– Да. Я хочу знать: где моя жена брала деньги, – отчеканил Юрий Греков.

– Так вот. Жил-был человек, который в одночасье лишился жилья и стал бомжом. Звали его Досей...

– Это я уже слышал, – нетерпеливо перебил его Греков.

– Про книгу, которую он читал в электричке, я тебе тоже рассказал.

Греков кивнул.

– Не рассказал только, где он взял рукопись.

– Как – где? Написал!

– Ну да, – усмехнулся Володя. – И в своей плохо отапливаемой конуре отпечатал ее на компьютере. Нет, Юра. Он нашел рукопись на помойке, копаясь в мусорном контейнере. Как думаешь, кто ее туда швырнул сгоряча?

– Ты хочешь сказать, что...

– Вот именно.

– Не верю! – покачал головой Юрий Греков.

– Придется поверить. А теперь думай.

И Володя Петров надолго замолчал.

Автобус

– ...По образованию наша Ниночка была архивариусом, – важно сказала Таисия Максимовна, поправив огромные очки, в которых была похожа на сказочную черепаху Тортиллу. Пробил и ее час: настал момент вынуть из складок платья Золотой Ключик и открыть заветную дверь. Все затаили дыхание. – Она очень любила свою профессию. Но в библиотеке у нее было больше времени для чтения и нужных книг, вот она к нам и устроилась. Сидела за кафедрой, читала Карамзина, Костомарова, Лотмана, Ключевского, Соловьева... Кое-что конспектировала. Читателей у нас было немного. Это потом появился компьютерный зал, студенты стали часто заходить. Но Ниночка к тому времени уже не работала. Хотя компьютер она освоила из нас первая.

– А говорят, что Нина была не в ладах с техникой, – удивленно протянула осмелевшая вдруг Инна.

– Она просто четко отделяла, что ей нужно, а что нет, – продолжала Таисия Максимовна. – Разумеется, в программировании она ничего не смыслила, но текстовый редактор освоила. И что такое Интернет, имела понятие, и как пользоваться электронной почтой. Она вообще была умница необыкновенная.

– А Греков говорил: Пробка... – протянула Милочка.

– Да, да, – поддержала ее Киска. – Тупая, мол, как пробка. Это он ее так прозвал.

– А ты его больше слушай, – сердито сказала Татьяна.

– Ну, так я продолжаю? – спросила Таисия Максимовна. – Что думал о жене Греков, это его личные трудности, а Нина не собиралась его переубеждать. Поначалу хотела сделать сюрприз. Когда написала первую рукопись, держала это в тайне. Думала: прославлюсь, мол, и он поймет, как во мне ошибался. Как только муж запретил Нине работать, ей стало скучно.

В самом деле, сколько времени отнимает домашнее хозяйство? Жили они вдвоем, детей не было, квартирka маленькая, однокомнатная. А Нина без дела сидеть не могла, вот и решила написать исторический роман. Знания в области истории у нее были обширные, воображение богатое. И очень уж ей нравился фильм «Первый рыцарь». О короле Артуре, рыцарях Круглого стола. Вообще, она была натура романтическая.

Как только рукопись была готова, она принесла ее мне.

– А почему вам? – недобро спросила Татьяна. – Ведь это я была ее лучшей подругой!

– Танечка, вы замечательный человек, – вздохнула Таисия Максимовна. – Но я гораздо старше, у меня большой жизненный опыт и я много читала...

– Вы хотите сказать, что я...

– Да перестань! – не выдержала Галя. – Я бы на месте Нины поступила точно так же.

– Я человек одинокий, – подтвердила пожилая женщина. – Свободного времени у меня много, и я всегда рада помочь. Книгу я прочитала за выходные, и, знаете, мне понравилось! Очень! Увлекательный сюжет в жанре фэнтези, роскошные описания. Подобных книг сейчас хватает, но Нина нашла что-то свое. Так мне, по крайней мере, показалось.

Когда она пришла за рукописью, я ее похвалила и посоветовала попробовать опубликовать роман. Разумеется, Нина в этом ничего не понимала. Куда пойти, что сказать? Мы вместе подумали и решили поступить просто: взяли книги-новинки и посмотрели адреса издательств, где они были выпущены. Потом составили список и выбрали самое крупное. Нам показалось, что это достойно.

– А дальше? – жадно спросила Киска, у которой в глазах все еще сверкали бриллианты.

– Нина поехала туда и отдала рукопись секретарю. Прошел месяц, другой. Ответа не было. Тогда Нина набралась решимости и позвонила в издательство. Ей сказали, что рукопись находится на рассмотрении. Это тянулось полгода.

- Эх, я бы им показала! – сжала кулачки Киска. – Звонила бы каждый день!
- Но Нина была не ты, – усмехнулась Галя.
- Да уж, – покачала головой Татьяна. – Размазня.
- В конце концов, – продолжала Таисия Максимовна, – ее вызвали в редакцию. Ответ был отрицательный. Мол, это графоманство, дилетантство и так далее, показали рецензию. Я ее читала и считаю, что книга того не заслуживала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.